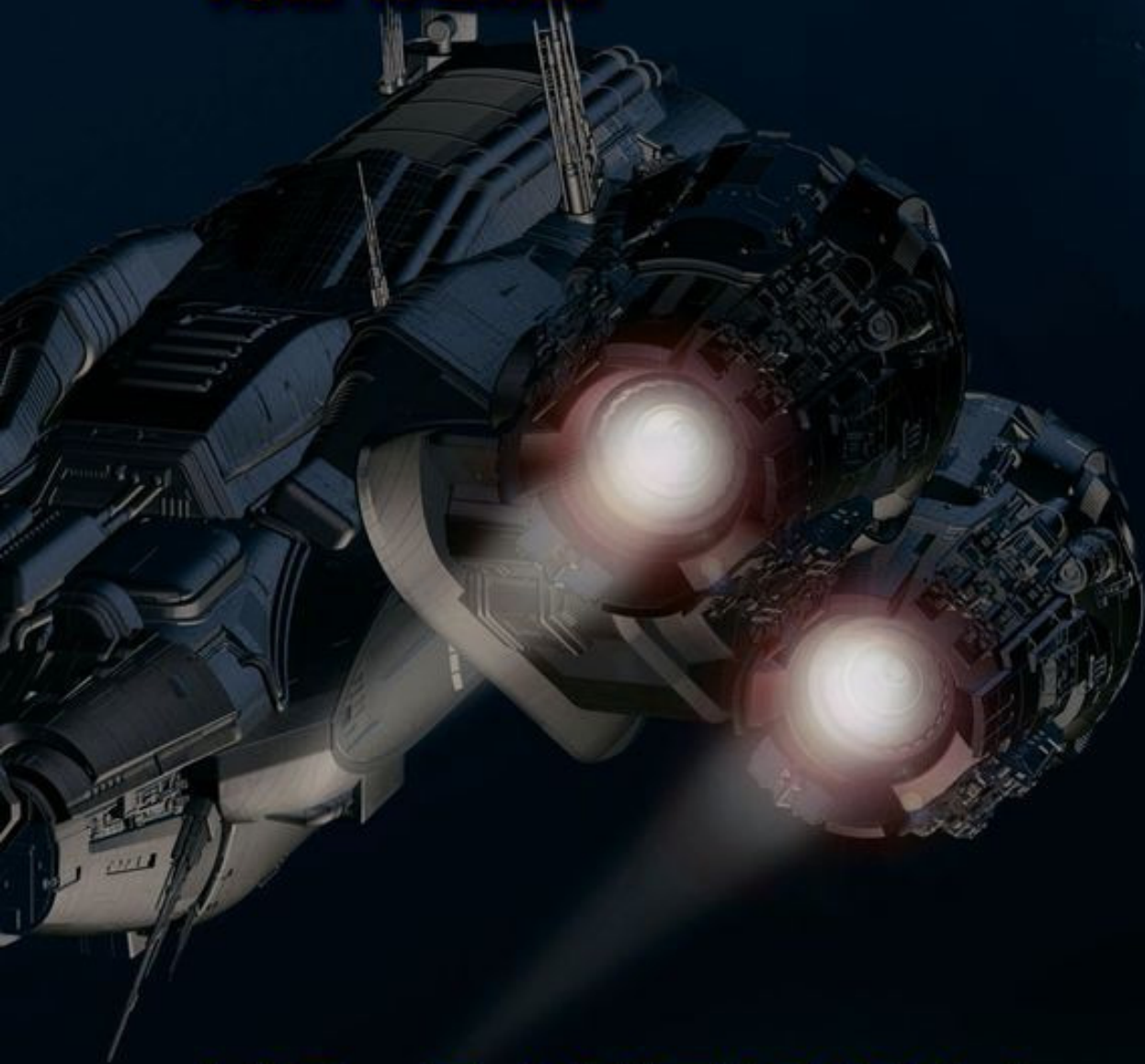

18+

АЛЕКС ГРАРК

ИЗБРАННЫЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
ТОМ ТРЕТИЙ

**ИЗ ГЛУБИНЫ
ВСЕЛЕННОЙ**

Алекс Грарк

**Из глубины Вселенной.
Избранные фантастические
рассказы. Том третий**

«Издательские решения»

Грарк А.

Из глубины Вселенной. Избранные фантастические рассказы.
Том третий / А. Грарк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930663-0

В третий том фантастических рассказов А. Грарка вошли рассказы, не включённые в первый и второй тома. Действие рассказов происходит на Земле, на планетах других звёзд. В сборник вошли также фантастические миниатюры, сказки космического века.

ISBN 978-5-44-930663-0

© Грарк А.
© Издательские решения

Содержание

АСТЕРОИД	6
БАНАНЫ	9
ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА	17
ЗВЁЗДНАЯ ГАВАНЬ	21
ДЖОКОНДА	25
ЕГО ЛУЧШИЙ ДРУГ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Из глубины Вселенной Избранные фантастические рассказы. Том третий

Алекс Грарк

© Алекс Грарк, 2018

ISBN 978-5-4493-0663-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АСТЕРОИД

Сотрудники американского космического агентства NASA неожиданно заявили об угрозе в виде огромного астероида, который может упасть на Землю в феврале 2017 года и вызвать масштабное бедствие в виде цунами. Учёные считают, что первыми увидят падение космического объекта WF9 жители Великобритании. Из новостей Интернета от 27.01.2017 г.

28 января 2017 г., 10 часов утра.

Присутствующие – несколько членов Кабинета правительства Великобритании – восприняли сообщение по-разному.

– Вы уже поставили в известность королеву? – спросила у премьера министр внутренних дел Эмбер Радд.

Тереза Мэй отрицательно покачала головой:

– Пока рано. Давайте вначале обсудим это сообщение в узком кругу. Я уже попросила наше космическое агентство собрать всю последнюю информацию и передать секретным письмом лично мне в руки. Сейчас важно не будоражить газетчиков, не допустить паники в стране. Сколько раз было, когда непроверенные сведения возбуждали толпу.

– Это верно, – заметил министр обороны Фаллон, он сидел справа от премьера. – В 2012 году весь мир считал последние дни до Армагеддона, который провидцы назначили на 21 декабря. Однако всё обошлось.

– Вот именно! – вид у Мэй был встревоженный и слегка уставший, похоже, что ночью ей не спалось. – Завтра у меня очередная из еженедельных встреч с монархом, к разговору я добуду самые свежие новости. Пригласила же я вас для того, чтобы определить самые первые меры, которые следует предпринять при падении астероида именно в ту точку Северного моря, которую мне назвал осведомитель из НАСА.

Министр иностранных дел Джонсон предложил:

– Может быть, связаться с Найджелом? У него должны быть сценарии на случай бомбардировки планеты астероидами разной величины. Он мог бы выбрать что-то близкое для нашего случая, чтобы иметь представление о последствиях.

– Сейчас этого делать не следует, – отвергла премьер идею. – Кое-что мне итак уже известно. При размерах в пределах мили, которые имеет астероид WF9, падение даже в 150 – 200 милях от наших берегов приведёт к большому испарению воды из моря и возникновению цунами, которое может разрушить Лондон и другие города на побережье, возможно, что осколки астероида выбросит за пределы атмосферы, а затем они устремятся вниз, вновь на Землю: на дома, сооружения, людей. Кстати, то же самое ожидает и наших соседей: Данию, Нидерланды и Норвегию. Но будем считать, что это их проблемы, наших интересов там нет...

– Обычно небольшие астероиды сгорают, проходя с большой скоростью сквозь атмосферу, – предположил Фаллон, на что Тереза Мэй энергично возразила:

– Небольшие – да, но нашему астероиду это не грозит, Майкл. Мне разъяснили, что, имея такие размеры и массу более двух миллиардов тонн, он мигом промчится через сто миль плотной атмосферы и даже не успеет как следует нагреться!

Наступила минута молчания, все казались подавленными перспективой. Потом Борис Джонсон уточнил:

– И какого числа это должно случиться?

– Шестнадцатого февраля. Всё против нас в последние месяцы: и подготовка выхода Великобритании из Евросоюза, и наплыв беженцев с Африки, и приход вместо Барака Обамы более жёсткого, несговорчивого Трампа...

– Думаю, что нам не стоит ждать появления небесного гостя, а поскорее начать организацию эвакуации жителей с побережья в более безопасные места. И позаботиться о королеве. Используем все виды транспорта, в том числе военный.

Тереза Мэй долго смотрела на Фаллона, озвучившего меры спасения, потом встала и подошла к окну. На хрупкие плечи шестидесятилетней женщины легла слишком тяжёлая ноша, справиться с которой будет нелегко. Вглядываясь в хмурое небо за окном и падающий лёгкий снежок, премьер что-то решала для себя. Она вернулась за стол и ответила Майклу:

– Мы не можем сейчас это начать. Представьте, что в НАСА допустили неточности при расчёте? Создадим панику, давку на вокзалах, дорогах. Часть людей бросится через евротоннель под Ла-Маншем во Францию... А через пару дней тот же специалист из Америки позвонит мне и скажет, что какой-то другой блуждающий астероид изменил орбиту WF9, и он пройдёт мимо Земли. Такую ошибку мне не простят! Поскольку другого ничего не остаётся, то мы запланируем эвакуацию. Но придётся подключить средства массовой информации с целью оповещения каждого конкретного графства: каким транспортом, в какое время и по какому маршруту производить переселение людей. Подключим и французского президента, Франция может хорошо нам помочь. Эмбер! Полиция должна обеспечить порядок на дорогах, а также постараться, чтобы панические настроения были минимальными. Майкл! Постарайтесь, чтобы можно было максимально использовать возможности военной авиации.

Премьер посмотрела на пятого члена Кабинета – министра финансов Хаммонда, который до этого не произнёс ни слова:

– Как, Филипп, по силам нам преодолеть всё это? Сильно придётся залезть в казну?

Прокашлявшись, Хаммонд заявил:

– Думаю, что королева не будет возражать в такой критической ситуации. Вы же ей завтра всё подробно изложите?

– Это само собой! Только пережить ещё эту ночь и полностью быть уверенной в такой необходимости. Мы не должны беспокоить нашего монарха в случае отсутствия опасности падения астероида. Я должна быть твёрдо уверенной, как будут развёртываться события. Прошу вас всех сохранить наш разговор в тайне.

Москва, тремя часами ранее.

Заместитель председателя правительства Дмитрий Олегович Рогозин пригласил к себе главу Федерального космического агентства Игоря Комарова и исполнительного директора по космическим пилотируемым программам Сергея Крикалёва и сразу заявил:

– Мужики! Знаю, что вы уже в курсе предстоящего события, которое Земля должна пережить в середине следующего месяца, и понимаете, что мы не должны сидеть сложа руки, если имеем возможность что-то предпринять! Астероид может и в другое место угодить, ошибка в расчёте на таком расстоянии довольно велика. Удивляюсь ещё, что газеты, телевидение и основные новостные порталы Интернета пока молчат. На небольшую статью среди массы других могли не обратить внимание. Но это – пока! Мы-то с вами знаем, что может начаться дальше. Прежде, чем отправиться к Премьеру, я хотел кое-что уточнить для себя. Давно все занимаются – и NASA, и Европейское космическое агентство, и мы – разработкой разных способов на случай лобовой атаки большого астероида. И результаты до меня довели, вот они – в этой папке, – Рогозин кивнул перед собой. – Ночью я ещё раз всё изучил и понял, что человечество находится в месяце от своей гибели. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, Дмитрий Олегович! – сразу ответил Комаров. – Я тоже недавно изучал зарубежные проекты, сравнивал их с нашими, и пришёл к выводу, что всё – в начальной стадии

проработок. Есть, конечно, неплохие идеи, но довести их до рабочих чертежей – это нужны годы. А ведь затем ещё изготовить оборудование для наших стартовых площадок и космодромов, испытать...

– Слушай, Анатольевич! Мне это понятно. Я сейчас убеждаюсь, что земляне потеряли несколько лет из-за разобщенности развитых стран, из-за ряда других накопившихся проблем, например, борьбы с терроризмом. Начали бы десять-пятнадцать лет назад грызть эту проблему, собрали бы средства, подготовили людей – всё бы получилось.

Сергей Крикалёв добавил:

– Пилотируемый полёт здесь не спасёт. Необходим автоматический корабль, беспилотник. Заправить его ядерным зарядом большой мощности и вывести на траекторию сближения с астероидом. При столкновении и взрыве изменится момент количества движения астероида, и он наверняка изменит траекторию в сторону от Земли!

– Это да, Сергей, – вздохнул Рогозин, – ядерных запасов на нашей планете сейчас накопилось столько, что хватит для сотни таких астероидов!

– Насколько я помню, – продолжил Крикалёв, – ребята даже рассчитали примерные затраты на эту программу. От пяти до десяти миллиардов долларов всего, не так много, учитывая возможные убытки, которые нанесёт астероид.

– Ладно, будем уповать на то, что создатель человечества не даст Земле погибнуть, – сказал, поднимаясь из-за стола Рогозин. – Клянусь, Сергей Константинович! Если всё обойдётся, то мы с тобой вместе на МКС слетаем, там всё мне покажешь, научишь жить в невесомости. Ты шесть раз в космос летал, если я правильно помню?

– Точно, шесть раз стартовал, – ответил за Крикалёва глава ФКА. – Считаю, два с половиной года пробыл в пилотируемых кораблях и на Международной космической станции, а также больше сорока часов находился в открытом космическом пространстве.

Статья в Интернете от 29 января 2017 года:

«Руководитель NASA Чарльз Болден направил Европейскому космическому агентству, а также агентствам России, Великобритании, и Китая сообщение о внезапном изменении траектории движения астероида WF9. Новое исчисление его орбиты показало, что она разминется с орбитой Земли на 51 миллион километров».

Комментаторы сети отметили, что Болден умолчал о причине происшедшего. Осталось только гадать, толи в NASA допустили ошибку в первоначальных расчётах, толи действительно существуют неизвестные космические силы, готовые прийти на помощь нашей Голубой планете с семью миллиардами жителей на поверхности...

БАНАНЫ

Когда Петровича ближе к осени турнули с работы, ему до пенсии оставалось ещё больше восьми лет. И он ходил очень расстроенный и всё время галдил жене, что, наверное, удавится. Люся к тому времени работу ещё не потеряла, ежедневно убиралась в столовой общеобразовательной школы в центре города и по-всякому утешала Петровича: боялась, что действительно, придя однажды со школы домой, увидит его на кухне или в зале, подвешенным за горло вместо люстры. Одной жить-то ей казалось скучным. В пятьдесят лет на баб мужики особенно не кидаются, а без мужской ласки жить ей тоже не хотелось.

– Что ты, Вадик, расхныкался? Я получаю восемь тысяч, да пенсию мне вот-вот оформят – срок подошёл. Проживём как-нибудь! Конечно, домик у нас неказистый, давно в землю врос и приходится пригибаться, как в комнаты заходим, зато – собственный, да садик с огородом есть!

– Да, с домом мы сильно пролетели, – вздохнул Хрумкин. – Нужно было мне раньше, когда при деньгах жили, хороший ремонт сделать, специалистов позвать...

– Это при каких деньгах-то? Да ты больше меня и не получал никогда. А за такие деньги, думаю, никакие специалисты-строители к нам даже не заглянули бы... Не горюй, дорогой! Ты у меня мужик сознательный, уверена, что пить водку теперь совсем бросишь, и самогонку свою – то же, и проживём. Займёшься по-настоящему огородом, овощи выращивать станешь, яблоньки с грушей по-мичурински обрежешь, паршу медным купоросом изведёшь. Там, глядишь, и торговать на рынке чем-то можно будет.

– Чтобы я на рынке торговать стал? Век этому не бывать!

– Ну ведь чем-то заняться надо? Что ты целыми днями делать-то будешь? Спать что ли? Надоест спать-то...

Утро следующего дня выдалось воскресным. Петрович встал позже жены. Честно говоря, ему вообще не хотелось вставать. Но и лежать тоже надоело, и пришлось подняться, умыться в сенях, постоять во дворе, рассматривая неухоженный собственный участок с яблонями и единственной грушей, с которой уже начали опадать потихоньку листья. Ночью ему приснился какой-то сон, и в том сне было что-то новое, интересное. Он прямо во сне всё время себе твердил: «Не забыть сон Люсе рассказать!». А вот встал и забыл, что видел. Петрович побрёл к жене на махонькую кухню, там она ему уже сварила пару куриных яиц и заварила стакан чаю.

– Сон хороший видел, – признался Вадим, – хотел тебе его рассказать, да забыл о чём он...

– Да мало ли их, снов-то, бывает? – удивилась Люся. – Ночь настанет и новый сон увидишь! Какой-нибудь вспомнишь и расскажешь. Подумаешь, беда...

– Нет, этот сон деловой был. В нём я видел, что мы с тобой какое-то хорошее собственное дело открыли. И начали немалую денгу зашибать! Ты даже в школу перестала ходить, горбатиться с этой уборкой!

– Да ты что? Вот здорово было бы! О чём же тогда, сон-то?

– Говорю же, забыл! – рассердился Петрович и пошёл во двор выкурить сигарету, причём по дороге забылся и сильно зашиб голову о просевший перед дверью потолок. Пользуясь тёплой погодой, присел на лавку и стал размышлять о сегодняшней жизни. Крепко прихваченная цепью к своей конуре черношерстная дворняга по кличке Цыган с пониманием отнеслась к хозяйским раздумьям и не мешала ему, сидела рядом тихо. Хрумкин выпускал в сторону от Цыгана дым, с удовлетворением ощущал уменьшение боли в ушибленной голове и думал, что курить тоже нужно завязывать. Правительство поднимает цены на спиртное и курево

не напрасно. Оно хочет, чтобы народ в стране стал здоровым и культурным, чтобы от него самогоном, водкой и табаком совсем не пахло. Это за бугром умеют пить, а русский человек за сотни лет этому делу так и не обучился, его только посади за стол и налей водяры, так он будет пить, пока не окосеет и под стол не рухнет. Хорошо, если драку не затеет или не порешит кого-нибудь случайно! А курить они там – в Европе и Америке – разучились, и все сигареты стали переправлять в Россию, чтобы здешние люди травились. Так у нас и повелось: курить стали всем скопом, в том числе девчонки ещё сопатые и подряд все бабы. Курят и пьют, пьют и курят... Даже те, кто в порядочных домах живёт и в деньгах не нуждается. Даже те, кто не собирается огородом заняться и на рынке свои помидоры с яблоками продавать...

Хорошо, что наркотики ещё не во всех странах потреблять бросили, а то и наркота вся в России уже оказалась бы! И как мы жили бы тогда? Развалилась бы страна совсем! Заводы и фабрики остановились бы, земля стояла бы не вспаханная, не засеянная. И начал бы народ русский вымирать полностью. Там – на Западе – только об этом и мечтают: помрут русские, а мы сразу их земли разделим и будем использовать по-умному, ископаемые собирать, нефть к себе гнать, газом русским пользоваться бесплатно! Они давно на наши просторы зарятся и потихоньку дела свои тёмные делают, чтобы искоренить русичей и просторы эти под себя прибрать! Вначале развалили большую страну, из неё образовалось полтора десятка стран поменьше. Теперь за Россию взялись. Обучили отдельных особо грамотных людей, как, ни на кого не обращая внимания, присвоить себе природные богатства, добываемые в стране. Кто конкретно добывает, тот получает зарплату такую, чтобы только не умер с голоду и дальше чтобы добывал. А особо грамотные люди скопили для себя большие богатства на земле русской и с ними за кордон смылись, там яхты понакупили, дворцы понастроили, на островах живут и в океане купаются со своими жёнами, любовницами и детьми. Ещё начали клубы иностранные – футбольные и баскетбольные – покупать, деньги пристроили в офшорах и разных надёжных банках, и ещё за деньгами в Россию приезжают. Тяжело на Западе жить, говорят, налоги здесь большие, игроки-футболисты сотни миллионов стоят. Очень страдаем от недостатка денег, вы здесь работайте побольше, чтобы нам проще было своим зарубежным большим хозяйством управляться, жён своих пригожих в красоте держать.

Зашёл с перекура к жене расстроенный своими мыслями Петрович и сознался, что пачка сигарет у него осталась последняя, а с теми ценами, которые премьер определил для сигарет, покупать их теперь вовсе не придётся.

– Потому как не дотянем до оформления твоей, Люся, пенсии.

– А сон, случайно, не вспомнил? – полюбопытствовала жена.

Вадим подумал немного и вдруг вспомнил сон-то! Даром что ли он голову на выходе зашиб?

– Ну, Люся, ты и молоток! Своевременно напомнила, моя умница! Этот сон выручить нас должен.

– Рассказывай скорее! Не терпится мне!

– Я сначала тебе напомню, что жизнь в разных странах устроена по-разному.

– Эк, сказал! А то я без тебя этого не знала. Не забывай, что в школе работаю! Сон-то про что?

– Не спеши, Люся! Здесь с подходом нужно, иначе не осилим дело. Я ведь о чём тебе хотел сказать? Сон про Африку был. Сама знаешь, как там жарко. И оттуда к нам завозят разные тропические фрукты. Я так думаю, что в тропиках бабам зимние сапоги покупать не нужно, так же?

– Раз жарко и зимы у них нет, то зачем сапоги зимние? – рассудила Люся сразу. – Там и осенние сапоги, наверное, не требуются!

– Во-от! Соображаешь! И шубы не нужны! Да и другая тёплая одежда – хоть в трусах и купальных костюмах можно ходить! Тот есть там жизнь намного дешевле!

– Ты никак в Африку собрался переехать? А на какие шиши? Да и кому мы там нужны?

– Цыц, Людмила Фёдоровна, не торопись! Переезжать совсем не обязательно. Я другое придумал. Сейчас погода в мире стремится к выравниванию. У них – в тёплых странах – даже иногда снег идёт, а у нас жара стоит за сорок градусов. Помнишь 2010 год?

– Помню, ну и что?

– А то! Нам с тобой на своей земле у дома нужно бананы выращивать и продавать!

– Бананы? – недоверчиво уточнила жена.

– Да! А что тут непонятного? Участок у нас достаточно большой. Выкорчуем эти яблони с грушей и насажаем бананов. И будем ими питаться сами и другим предлагать. За определённую плату, конечно!

– Где же ты бананов найдёшь, чтобы посадить-то? Что-то я на рынке банановых саженцев не встречала!

– Этот вопрос продумаем отдельно! Я тоже не встречал, но не в Африку же за ними ехать? Ты ведь знаешь, что некоторые люди в наших садах виноград выращивают? Мелковатый, конечно, но настоящий! И едят, а также вино их него гонят. Сладкий виноград...

– Ты про бананы толковал! Зачем на виноград переходишь?

– Просто пример тебе привёл! Потому как для выращивания винограда никто за саженцами на юг не ездил...

Целый день Вадим где-то бродил, общался с друзьями, просматривал Интернет у соседа Серикова, который имел старенький компьютер и золотые руки, которыми и поддерживал в рабочем состоянии свою электронную технику. Володя Сериков работал в мастерской у своего носатого хозяина с замечательной фамилии Агибобер. Никто не знал имени Агибобера, но всем было известно, что он владел несколькими магазинами, расположенными в купленных на первом этаже квартирах, причём почти при каждом магазине имелась комнатка с мастерским человеком, который мог что-то отремонтировать: либо телевизор, либо велосипед, либо швейную машинку или наручные часы. У Агибобера имелась даже мастерская, где восстанавливали автомобильные навигаторы, видеорегистраторы и радары. Сериков вообще с детства любил ремонтировать электронику – радиоприёмники, телевизоры, потом начал как-то заниматься автомобильными приборами. Агибобер про это прознал и сделал для него мастерскую. Когда другой денежный мешок города Лаврова – Артур Бублик – хотел приобрести Вову для своей лаборатории с той же целью, то Агибобер заломил такую цену, что мешок Артура пригрозил дать сквозную денежную пробойну.

Петрович работал с компьютером не шибко хорошо, но все сведения про бананы смог найти без особых проблем. Вечером он вернулся в свой утопший в земле дом и, в очередной раз стукнувшись о потолок на входе, громко позвал свою Люсю, ненароком прикорнувшую в спальне. Она сразу вскочила, ожидая радостных вестей.

– Что-то новое раздобыл? – живо поинтересовалась она, всем видом показывая, что сна у неё не было даже в глазу.

Вид у Петровича был не очень оживлённый, что предполагало развитие дальнейших событий совсем не по раскрывшейся утром перспективе.

– Самое главное, что мне удалось сегодня узнать, это телефон и адрес одного украинского чувака, который торгует банановыми черенками.

– Как это?

– Оказывается, бананы не растут на деревьях, как ты думала, – Вадим не стал уточнять, что он и сам считал, что именно с деревьев снимают бананы после их созревания. – Бананы к растениям относятся. Можно сажать банановую семечку, но плодоносить растение

начнёт значительно позже, чем при размножении черенками. Даже дома выращивать бананы можно у каждого окна в горшке. Горшки будут большие, до тридцати литров. Солнечного света от окна для одного черенка хватит. А на улице мы его не вырастим, потому что банану нужно не менее 15—20 градусов тепла, и зимой у нас он замерзнет. Дом же мы с тобой газом прогреем до такой температуры даже и зимой.

– И сколько же бананов дома мы сможем собрать? – понурилась Люся. – У нас вместе с кладовкой всего-то семь окон. До продажи ли на сторону нам будет? Самим поесть не хватит!

– Придётся, Люся, поменять тактику. Пока не размножим этот чёртов плод, будешь работать! А я начну вплотную заниматься всеми банановыми проблемами, пока дело не пойдёт так хорошо, что мы его сможем зарегистрировать в нужной конторе. Возьмём кредит для строительства надёжной теплицы и вот тогда будем работать только на бананы. Ты уволишься и станешь мне помогать. Через десять-пятнадцать лет, думаю, погода в Россию придёт самая тропическая, а у чёрных в Африке даже в Сахаре будет вместо песка лежать снег большими сугробами. Мы же в своём мелком городке под Курском с бананами так развернёмся, что в ту же Африку будем их экспортировать!

– Сколько стоит один черенок? – рискнула спросить жена у мужа, капитально изучившего методику бананового предпринимательства.

– От ста до трехсот гривен. То есть не более тысячи рублей надо. Думаю, что такую цену мы с тобой осилим. Купим два черенка, после начала роста они начнут давать отростки, и мы наберём их для всех окон.

– А через какое время можно будет попробовать свой банан?

– Через три года...

После этих слов, брошенных Петровичем как бы нехотя, Люся чуть не поперхнулась, но вынуждена была промолчать. Супруги Хрумкины уже долго жили вместе, привыкли друг к другу, и Люся точно знала, в какой момент можно вставить своё женское слово. И чаще всего она такие моменты пропускала, потому что любила своего мужа и считала его довольно умным и толковым. Своих детей им бог не послал, а взять ребёнка из приюта в такой неказистый дом они постеснялись. Вырастет человек, а похвастаться будет нечем.

Супруги воспользовались услугой украинца Богдана Кравчука, который женился пару лет назад на дальней родственнице Люси, и изредка отвозил избыток заработанных в России денег престарелым родителям на переживающую не лучшие времена свою родину со столицей в Киеве. Богдан привёз два семимесячных банановых черенка в небольших горшочках. И настали тяжёлые времена для Вадима, он даже поначалу спать нормально не мог, часто просыпался от страшного сна, в котором оба черенка напрочь засохли. Приходилось на всякий случай вставать и проверять землю в горшках на влажность своими пальцами. Но потом всё вошло в привычку, и тревожные сны исчезли. Наступила зима, но это черенкам не повредило, потому что АГВ вполне справлялся с поддержанием в доме тёплых условий, воды для подлива в горшки и для опрыскивания листьев растений было достаточно. Люся уставала на своих уборочных работах, но Петрович её даже не просил помогать, сам делал для бананов всю работу и терпеливо ждал изменений. Всем знакомым Хрумкиных было видно, что человек сильно изменился, пить перестал и курить бросил, но никто, кроме жены не знал, чем он теперь занимается. К слову сказать, Петрович имел схрон от жены в подвале, где скопил в своё время полную бутылку крепкого самогона, к которому его совсем теперь не тянуло по причине увлекательной работы с банановыми черенками. Петрович иногда подумывал, что самогон может понадобиться для ускорения роста этих неприхотливых растений, но побаивался пока его применить из-за отсутствия подобного в мировой практике. Первопроходцам всегда приходилось трудно, но к Владиславу Хрумкину это не относилось. Он имел ловкие руки от природы, много

в доме и во дворе сделал для привлекательности своего неказистого жилища. И не боялся никаких экспериментов.

– Спасибо тебе, милый! Я даже не ожидала, что ты у меня такой заботливый к бананам окажешься, – как-то произнесла жена, выпивая вечером второй стакан чая с грушевым вареньем, и любовно поглядывая то на Петровича, брызгавшего воду на банановые листья, то на экран телевизора с бестолковой передачей про разругавшихся вдрызг сестер, не поделивших однокомнатную квартиру.

– Ты бы лучше сэкономила электричество, смотришь какую-то хрень, – недовольно проворчал хозяин, добавляя в распылитель отстоянной воды. – Нам урожая ждать ещё долго, а деньги нужны для удобрений. И для горшков...

Люся послушно выключила телевизор, допила чай и спросила:

– Я чем-нибудь могу помочь?

– Да я почти управился, отдыхай садись. Забегал Кравчук, интересовался нашими бананами.

– Ну и как?

– Долго ждать, говорит, а то бы он тоже занялся. Но у него всего четыре окна в квартире, а у нас – семь, и все они смотрят на солнечную сторону.

– Повезло нам, – ласково погладила Лиза мужа по спине, остановившись рядом и любуясь хорошо подросшим черенком. Из-под широких листьев виднелись листья небольшие, принадлежащие ответвившимся деткам.

Уже к весне супруги пересадили два выросших и выпустивших длинные корни черенка в горшки большего размера, а деток отделили и теперь у каждого окна зеленели субтропические растения. Четыре окна выходили на улицу Чернышевского, и можно было, приглядевшись с улицы, обнаружить странные растения, совсем не похожие на цветы. Даже стали появляться любопытные, звонившие изредка в дом, чтобы расспросить хозяев про странные насаждения. Конечно, хозяева не желали слушать чужие вопросы, тем более на них отвечать. Про начавшийся банановый бум в покосившемся доме на Чернышевского не должен был знать никто! Люся с любопытными старалась совсем не разговаривать. Она выходила на работу и молча проходила мимо редких прохожих, любящих заглядывать в чужие окна, на вопросы не отвечала, будто глухонемая. Но если долго звонили настойчивые посетители, то выбегал с чёрной мохнатой дворнягой Петрович и позволял ей своим пронзительным лаем пугать собравшихся.

Надо отметить, что некоторым такая политика проживающих в покосившемся старом доме с низкими окнами, не нравилась, более того – вызвала серьёзные подозрения. Самые находчивые писали грязные кляузы в полицию, в которых прямо подсказывали блюстителям порядка, что в доме номер пятнадцать на такой-то улице выращивают коноплю, готовятся весь город приучить к наркотикам. Несколько раз приезжала полицейская дежурная машина с лейтенантом, который пытался найти подпольные насаждения. Участковый – лейтенант Брыковкин – в былые совковские времена проходил срочную военную службу в одной из южных республик и видел вживую настоящие посевы конопли и наверняка разглядел бы эту гадость в подозрительном доме, но ни разу он там её не обнаружил. Люся с Петровичем спокойно показывали ему растущие черенки какого-то растения, объясняли, что это они выращивают специальные бамбуковые цветы. Их привезли старые друзья, обещали, что будут годами красиво цвести и радовать жильцов на старости лет. После двух посещений Брыковкин больше к Петровичу не заглядывал, понял, что кляузы писали плохие люди, не стоит обращать на них внимания.

Тем временем бананы крепчали, появлявшихся деток хозяева пристраивали за определённую плату в недалеко расположенный областной город, где заранее были развешены на фонарных столбах рукописные объявления. Петрович паковал деток в мелкие горшочки

и тёмными вечерами на велосипеде с самодельным широким багажником отвозил по нужным адресам. Деньги сразу превращали в доллары, пользуясь повышенным курсом рубля. Доллары собирали в чёрный полиэтиленовый мешок, который прятали в том же подвале рядом с ждущей своей участи бутылку первача. Петрович предупредил жену, чтобы в подвал сама не спускалась из-за слабых ступенек старой лестницы. Он не хотел раскрывать раньше времени тайну оставшегося самогона. Применять указанные в самодельной украинской инструкции удобрения ему очень не хотелось из-за необходимости тратить деньги и долгого ожидания результата.

– Какой-то биогумус... – ворчал при жене Петрович. – Выпрошу в ближайшем селе ведро обычного навоза, привезу на велике...

Навоз он раздобыл быстро, но решил применить его по-своему. Когда Люся находилась на работе, Петрович развёл тёплой водой навоз и, преодолевая запах, добавил в раствор из заветной бутылки приличную порцию самогона. Смесь разделил по имеющимся горшкам с банановыми черенками.

– Владик! – позвала Люся, вернувшаяся домой. – А что это у нас за такой интересный запах дома? Будто на скотной ферме, причём даже закусить хочется?

Петрович, опрыскивающий в это время сверху листья бананов отстоявшейся водой, с неудовольствием ответил:

– Я ничего не чувствую! – однако быстро приоткрыл окна и проветрил все комнаты.

На следующий день стало заметно, что хозяин избрал правильную тактику: рост растений значительно ускорился. К концу лета бананы в порядке очерёдности стали цвести.

– А ты говорил – три года ждать! – обрадовалась Хрумкина. – Такими темпами пошло дело, что мне скоро увольняться придётся...

– Не спеши, – осадил её Петрович, – дождёмся первых плодов, потом решим.

У него ещё оставались сомнения. Всё-таки первый опыт применения вновь придуманных удобрений мог и не принести желаемых результатов. Петрович определённо рисковал, он опять ночами не спал и бегал с фонариком по комнатам смотреть свои горшки в тайне от жены: боялся, что бананы останутся в росте и завянут. Но пословица про того, кто не рискует, тот не пьёт шампанское, оказалась верной – всё обошлось самым лучшим образом! Уже в декабре, несмотря на крепкие морозы на улице, заглядывавшее в окошки дома зимнее солнце позволило появиться первым зелёным плодам. А к весне они созрели, и супруги впервые смогли ими полакомиться. Конечно, комнатные бананы оказались меньшего размера, чем продававшиеся в магазине, но вкусом они не отличались. Тогда же Хрумкины заметили, что растения продолжали свой рост и, упёршись в потолок, стали хорошо загибаться книзу.

– Люся! Про такое я ничего не знаю, – сознался Петрович. – Должны были только до потолка вырасти...

– Да пусть растут! – решила Люся. – Чем больше плодов, тем раньше можно начать продажу.

Хозяин задумчиво и несколько подозрительно смотрел на растения и понимал, что теперь их трогать было нельзя. Бананы продолжали расти по другому сценарию. А в кладовке начали накапливаться в дырявом ящике бананы для реализации. Вначале Люся отнесла попробовать пару килограммов на работу и предложила за половину магазинной цены директору школы.

– Где ты такие маленькие нашла? – изумилась Клавдия Ивановна, которая за свою жизнь будто впервые бананы увидела.

– Мне предложили знакомые, – пролепетала Люся, не желающая открывать правду. – Попробуйте, они дивно, как хороши! И не дорого...

Это была первая реализация товара, и вечером Хрумкины отметили её торжественно: выпили сохранившуюся с Нового года бутылку шампанского. Остальные бананы в количестве четырёх килограммов – первую выращенную партию – продала на рынке старенькая тёща Петровича, проживающая отдельно от производителя уникальных фруктов, совсем на другом

конце города. Паршина Евгения Никаноровна к дочери и зятю никогда не ходила и не ездила, она боялась, что в одно из посещений дом обрушится и её жизнь прервётся. Ей стукнуло уже семьдесят пять лет, но на здоровье она не жаловалась. Только почти перестала слышать и приходилось использовать китайский слуховой аппарат, купленный по случаю Люсей в аптеке.

Первый съём урожая сильно взбудоражил семью Хрумкиных. Ведь они и сами не очень верили – особенно Люся, – что будет полноценный результат. Теперь же Петрович и его жена реально ощутили будущее изобилие бананов, начали планировать оформление документов на предпринимательство, Люся подала заявление на увольнение с работы. Оформив имеющийся в запасе ежегодный отпуск, она начала помогать с бананами Петровичу. Растения требовали всё большего ухода, особенно после внесения новой порции спецудобрений. Это было просто удивительно: постепенно зелёные широкие листья заполнили комнаты, часть бананов цвела, а другая часть уже готовила хозяевам для съёма свои ещё незрелые плоды. Петрович не успевал готовить ящики для затаривания.

В начале июня внутри дома можно было прятаться друг от друга за разросшимися растениями.

– Владик! – испуганно спросила вечером Люся. – Что-то они очень быстро растут, ты не считаешь?

– Пусть! Больше зелени в доме – быстрее заполним ящики и отправим твою маму на рынок. У нас уже есть возможность купить подержанный автомобиль, буду им пользоваться. Не век же на велосипеде товар возить? – Петрович стоял, пригнувшись, под изогнутым банановым растением и ласково его рассматривал. – Ложись спать, завтра у тебя будет много работы. А мне предстоит сегодня ещё удобрить землю в горшках, думаю, только к полночи управлюсь.

Когда Люся уже уснула, Хрумкин, использовав последние пол-литра самогона, приготовил ещё раствор с навозом и полностью разлил по горшкам. Он значительно устал за день и, намаявшись, не заметил, как резво ускорили рост побеги банановых растений. Еле пробравшись через живую зелень к двуспальной кровати, Петрович разделся, подоткнул одежду под кровать и юркнул под одеяло к Люсе. В доме слышался тихий шум движущейся от стремительного роста листвы растений, но слушать его было уже некому – и хозяин дома и хозяйка крепко спали.

Проснулись они с первыми лучами солнца, которое всегда дополнительно стимулировало к росту банановые растения. Подняться с постели Петрович не смог, что-то мешало ему – тяжёлое и зелёное...

– Люся! – позвал он. – Ты спишь?

– Нет, но я не могу встать, надо мной – много листвы...

– Да, у меня такая же беда... – сказал Хрумкин и начал искать способ освободить себя и жену от неожиданного плена. Он слышал шелест листвы в комнате и не знал причины. Попробовал выползти к краю кровати, отталкивая одеяло в сторону. Жена схватила его за руку:

– Влад! Я боюсь...

– Прорвёмся, всякое в жизни случается! Старайся за мной держаться, – и он продолжил карабкаться с кровати. Люся пыталась ползти за ним, но получалось это у неё плохо: руки были опутаны листьями и не слушались, двигаться вперёд не удавалось.

К сожалению, Петрович также не мог похвастаться успехами в схватке с заполнившими всю спальню бананами. «Неужели мне удалось создать идеальное удобрение? – подумал он, продолжая разрывать окутавшую кровать зелень. – Мог бы прославиться на весь мир, Нобелевскую премию отхватить...» Он достиг края кровати, но свалиться с неё не смог, просто упёрся в стену из банановых листьев. Едва повернув голову, Петрович определил, что жена почти осталась на месте, между ними образовался зелёный занавес.

– Люся! – позвал он, испугавшись.

– Да, – прерывистым от усилий голосом отозвалась жена, – я пытаюсь и... у меня ничего не получается...

– Сейчас я выпутаюсь из этих чёртовых зарослей, потом начну их вырезать... или вырубать... И доберусь до тебя...

– Влад! А почему это произошло? Что случилось?..

– Не знаю...

Хрумкин перестал разговаривать, чтобы не терять силы. Он пытался продвигаться дальше, разрывая листья по одному, но их было слишком много... И они шуршали, шуршали и шуршали, он чувствовал, что бананы вышли из-под контроля, они продолжали рост, причём рост этот убыстрялся с каждой минутой. Петрович понял, что силы на исходе. Ещё немного, и он не сможет продолжать борьбу...

– Люся! – попробовал он громко крикнуть, но не получилось; голос у него неожиданно сел. Ответа Петрович не дождался, поэтому ещё дважды позвал жену, причём с тем же результатом... Он попробовал повернуться, чтобы взглянуть в её сторону. Ему и это не удалось. Зелёные листья были вокруг: над ним, слева, справа, за головой... И они продолжали давить со всех сторон. В порыве гнева Хрумкин ещё раз собрал все силы, разорвал уплотнившуюся зелень со стороны Людмилы и увидел её застывшее белое лицо с раскрытыми глазами, в которых таился смертельный ужас! Рот был забит теми же зелёными листьями, которые были теперь всюду и с шелестом продолжали движение...

Несколько человек, проходившие утром по улице Чернышевского мимо дома Хрумкиных, были заинтересованы состоянием его окон: потрескавшиеся стёкла на глазах вываливались из рам, внутри виднелась сплошная стена зелёных растений, также выпиравших на улицу вслед за стёклами. Изумлению горожан не было предела: дом как будто слегка шевелился. Кто-то крикнул:

– Отбегайте! – и все кинулись на другую сторону улицы.

У дома под номером 15 разом разошлись стены и просела куда-то набок крыша. А кверху – навстречу с горячим июньским солнышком – вывалились огромные стебли странных растений с невиданными в этих краях цветами.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

От прочитанной мною в 1964 году повести «Далёкая Радуга» осталось на всю последующую жизнь ощущение бесконечной потери. Л.А.Горбовский не должен был погибнуть, как не должны были погибнуть его экипаж и прекрасная планета нуль-физиков! Думаю, это была потеря не только для меня, но и для всех читателей Стругацких... И все эти долгие годы в моей голове совершенно необъяснимо хранился выдуманный сценарий счастливого исхода для моего – да и не только моего! – лучшего героя Мира Полудня.

«...мне это незнакомо. Я, Матвей, никогда не был одиноким.

– Да, – сказал Матвей. – Сколько я тебя знаю, вокруг тебя всё время крутятся люди, которым ты позарез нужен. У тебя очень хороший характер, тебя все любят.

– Не так, – сказал Горбовский. – Это я всех люблю. Прожил я чуть не сотню лет и, представь себе, Матвей, не встретил ни одного неприятного человека».

«Далёкая Радуга» – Аркадий и Борис Стругацкие.

«Как дела на том свете? – спросил Горбовский.

– Там темно, – сказал Камилл. Он помолчал. – Сегодня я умирал и воскресал трижды...»

Горбовскому несколько раз пришли на ум эти слова Камилла, после чего он по-настоящему очнулся и стал ощущать что-то новое в своём окружении. Он лежал на чём-то мягком и удобном. Осторожно приоткрыв глаза, Горбовский ничего не увидел, было довольно-таки темно и достаточно прохладно. На память ничего не приходило, кроме старой истории о Чёртовой Дюжине, от которой Камилл остался живым в единственном числе. Как раз в том самом разговоре Камилл признался, что опыт не удался и вместо состояния «хочешь, но не можешь», получилось «можешь, но не хочешь». Будто в отдалении Горбовский услышал свой собственный голос: «Да, я понимаю, дружище. Мочь и не хотеть – это от машины. А тоскливо – это от человека». Затем Горбовский вновь потерял сознание...

Лайнер-звездолёт «Стрела» опустился на космодроме, когда было уже светло, маленькое солнце Радуги освещало покрытые снегом и пеплом поля, леса и построенные людьми здания и сооружения. Уже после выхода из деритринитации экипаж из срочных посланий узнал о трагедии, постигшей планету нуль-физиков и сделал попытку ускорить прибытие. Они выиграли целых два дня, но это ничего не дало. Теперь оставалось надеяться на чудо: кто-то мог остаться в живых в закрытых помещениях нижних этажей или в спешно подготовленном убежище под землей.

Перед посадкой Антону Быкову пришлось потерять несколько часов на стыковку с находящимся на орбите у Радуги десантным звездолётом «Тариэль – Второй» и заняться его разгрузкой. На родную планету отправили только самых маленьких детей с воспитателями, а также рожениц. И ещё пришлось усилить экипаж «Тариэля» опытным пилотом для отсутствия проблем при возвращении на Землю.

А на «Стреле» теперь находились из пассажиров в основном школьники, они не знали, радоваться им, что возвращаются на Радугу, или огорчаться из-за возможной гибели родителей. Попросилась обратно и жена директора Радуги – Евгения Вязаницына с сыном Алёшей. Она почему-то была уверена, что с мужем всё обошлось и можно будет остаться с ним. Вязаницына добилась встречи с командиром и заявила: «Я лучше вас знаю Матвея, он наверняка

жив и ждёт Алёшу. Считаю себя очень виноватой перед мужем, не понимала его!». Против слёз женщины возражать не стали...

Вскрыв входной шлюз, члены экипажа удивлённо взирали на тихий пейзаж за бортом. Было очень светло и необычайно безлюдно. Снега на земле оказалось не так уж много – к тому же он интенсивно таял. А пепла – ещё меньше, ноги утопали всего лишь по щиколотку и сразу становились мокрыми и грязными. Отойдя от звездолёта на несколько шагов, Быков со своими помощниками долго разглядывал карту Столицы и решал, где начать поиски в первую очередь. К их удивлению здания были в основном не повреждены, только часть стекол на окнах полопалась. Становилось всё теплее, не похоже было, что несколько дней назад здесь произошли трагические события, скорее всего закончившиеся гибелью людей. Тогда же здесь прошёл изобильный снегопад и резко упала температура окружающего воздуха. Кое-где виднелись пятнами на мокром снегу разбросанные порывами ветра картины, выполненные художниками Радуги и оставленные ими у деревьев перед самым началом апокалипсиса.

Быков, Потапченко и Тайсон прошли вперёд мимо здания Советов и сразу заметили почти уже оттаявший купол кессона убежища.

– Вот здесь! – сказал Антон и остановился. Через полчаса им удалось вскрыть двойные двери, применив захваченный на «Стреле» подсобный инструмент. Земляные ступеньки вели вниз с просторному залу. Освещение здесь практически отсутствовало, наверное, совсем разрядились аккумуляторы. Без фонаря только с трудом можно было разобрать, где рядами расположены люди. Они лежали на обычных матрацах и выглядели спящими. Антон знал, что каждому ввели специальную питательную смесь и снотворное.

– Михаил! – обратился он к Потапченко. – Начинай с первого ряда, а мы с Диком тебе поможем. Как только персонал Радуги начнёт приходить в себя, пусть принимает участие в работе с остальными.

И вскоре подземное убежище пополнилось новыми голосами – в основном голосами нуль-физиков и нуль-Т-испытателей.

Окончательно Горбовский очнулся в тот момент, когда Быков регистрировал в журнале девяносто пятого спасённого.

– Леонид Андреевич! – обратился к нему Антон, улыбаясь. – Не скрою: несколько последних дней у меня появлялись печальные мысли, что мы вас совсем потеряли...

– Быков? – спросил Горбовский, приглядываясь в полутёмном помещении к звездолётчику. – Узнаю по голосу. Молодцы, успели всё-таки! А потерять меня, голубчик, всегда было сложно...

Выбравшись наверх, Горбовский с интересом огляделся и остался доволен состоянием окружающих убежище зданий. Появляющиеся вслед за ним люди спешили по своим делам, им нужно было начать восстанавливать постройки, собирать брошенные впопыхах дорогостоящие приборы, перевозить их и монтировать на прежних местах. Радуга на глазах готовилась к продолжению функционировать в установленном режиме.

– Леонид!

Горбовский оглянулся и увидел запыхавшегося директора планеты.

– Что, Матвей? Пришлось нам с тобой, как медведям, в спячке побывать! Ты, видно, торопишься кабинет подготовить к работе?

– Нет, Леонид! Вначале до звездолёта доберусь. Быков мне сказал, что Женя с Алёшкой вернулись. Не поверишь, как я по ним соскучился... – Вязаницын быстро забрался в брошенный кем-то пикап, убедился, что он на ходу, и помчался на космодром. Горбовский остался один среди спешащих по своим делам жителей Радуги. Лично ему спешить было некуда, потому что его родной десантный сигма-Д-звездолёт «Тариэль – Второй» добирался до Земли без хозяина, доставлял на неё детей с этой сумасшедшей планеты нуль-физиков. А командир «Тариэля» временно остался безработным. Он прошёл до площади перед зданием Совета

и присел на начавшую просыхать оригинально покрашенную пёструю лавочку. Было интересно смотреть на расходившихся в разные стороны людей. Многих из них он встречал около своего звездолёта во время раздачи ульмотронов. С Горбовским вежливо здоровались, но надолго около не задерживались. Исключение составили только трое. Вначале с ним рядом присел крупный красивый парень, в котором Горбовский сразу признал Склярова. Лицо у красавца было понурым, показалось, что ему во чтобы то ни стало требовалось выговориться.

– А где ваша девушка? – вежливо спросил Горбовский и поглядел по сторонам.

– Девушка меня окончательно бросила!

– Так вот сразу?

– Да не то, чтобы сразу, – замялся Скляров. – Поймите, я же хотел, как лучше! Ведь всё равно кто-то должен был погибнуть... А вышло совсем наоборот!

– Не погибли? – сразу заинтересовался Горбовский. Скляров покачал головой:

– Дети в тот раз остались в зоне подступающей Волны вместе с главным нуль-испытателем Габой, а Таню я силой доставил в столицу к «Тариэлю». Габа играл с детьми в лесу, и там они наткнулись на какие-то самые первые, давно заброшенные постройки на Радуге. Похоже, там был когда-то наблюдательный пункт покойного Лю Фынчена, стоявшего у истоков нуль-физики. Детишкам удалось выжить, и сейчас они с Габой добрались на «грифе» сюда. Теперь Таня с ними, а я для неё перестал существовать...

– И что же ты будешь делать, Роберт?

– Я в общем-то уже смирился, Леонид Андреевич! Одно для меня неясно: с ребенком-то как ей быть?

– С каким ребенком?

– Беременна она... Сын у Тани родится. Мой сын! – гордо произнес Скляров.

Горбовский промолчал, он не мог помочь этому парню даже советом. Скляров теперь должен был решить всё сам!

Через полчаса после незадачливого папаши Склярова к лавочке подошёл главный нуль-физик планеты Ламондуа, именно он вёл все работы по проблеме переброске материальных тел сквозь пространство.

– Можно, Леонид Андреевич? – спросил он, указывая на место рядом с Горбовским. Усевшись, Ламондуа вежливо сообщил:

– Вы совершенно правильно сказали недавно на площади, когда собравшиеся коллективно решали, кого спасать надо. Действительно: наше будущее – дети. Про них надо было думать, а не о нас... И пользуясь появившейся возможностью, я хотел бы именно перед вами извиниться за свою эмоциональную речь, в ней акценты мною были неправильно расставлены. Со стороны это выглядело, наверное, чудовищно...

– Не переживайте, Этьен! Вам ещё долго жить, и вы обязательно исправитесь, я в вас верю. Успехов вам в научных изысканиях! Мы – звездолётчики – с нетерпением ждём новостей из вашего Института пространства. Да, позвольте уточнить про удачную первую переброску человека к Земле – это на уровне сплетен? Или...

– Нет, это не сплетни, – горячо запротестовал Ламондуа, – только перед катастрофой времени подробно разбираться уже не оставалось. Вы же видели, как быстро сходились южная Волна и северная? И после старта пришлось срочно заняться консервированием оборудования! Теперь начнём выяснять, что мы раньше делали не так? Почему удался именно этот опыт? Ведь человек мгновенно добрался до места, и никаких извержений на полюсах не произошло...

Горбовский хорошо устроился на лавочке, ему было очень уютно на солнышке, и он жалел, что сегодня не было зеленой травки и полевых цветов. Под пеплом и оставшимися комьями снега ничего разобрать было нельзя. Деревья вдоль площади не имели листьев, как

будто моментально наступила зима. Но жизнь всё равно оставалась прекрасной... Он теперь хорошо вспомнил тот последний час, когда всех людей, разбредшихся перед апокалипсисом по закоулкам Столицы, ушедших к морю и в степь, начали срочно собирать и свозить к готовому убежищу. Как с каждым человеком коротко беседовали и отправляли на лежаки, приготовленные здесь же. Жаль, что около десяти человек слишком далеко удалились от Столицы – пешком и вплавь – и их не успели найти...

Во время обеда у Матвея в кабинете Горбовский поинтересовался, не встречал ли он членов экипажа «Тариэля» Валькенштейна и Перси Диксона.

– Помню, что Марк твой в обнимку с Александрой Постышевой пару часов назад проходил мимо здания Совета. Боюсь, что с тобой на Землю он уже не вернётся.

– Это ещё почему?

– А вот ты бросил бы такую женщину? Променял бы её на чёрный бездушный космос?

– Да, точно – бездушный...

Было заметно, как Горбовский пригорюнился – хорошего штурмана не сразу найдёшь.

– А Диксона, к сожалению, не встречал. И в списках спасённых он мне не попадался.

– Придётся мне, Матвей, с тобой на Радуге остаться, – неожиданно сказал Горбовский. – Где-нибудь в мировых новостях сообщат, что известный Д-звездолётчик сменил профессию, решил стать сторожем. А что? Звездолёт исчез, экипаж меня бросил... Буду следить за чистой той убежища и сторожить его. Вдруг Ламондуа с Миляевым и Аристотелем ещё что-то авральное выдумают, убежище и пригодится! Рядом с кессоном поставлю лавочку и буду лежать, а ты с Алёшкой будешь соки мне носить.

Дверь отворилась и вошёл Марк Валькенштейн. Он сразу присел к столу:

– Я подумал, что здесь не откажутся накормить проголодавшегося звездолётчика?

Горбовский сразу спросил:

– А что же Али Постышевой не видно? Девочка, наверное, тоже проголодалась?

– Леонид! – начав сразу насыщаться, ответил Марк. – Она, как человек, влюблённый в свою работу, остаётся здесь. Да и я себя без «Тариэля» не представляю, привык пересекать бездонное пространство. К тому же посчитал, что ты скучать без меня будешь! Разве не так?

Они втроем вышли из здания и прошли по улице. Горели наружные фонари. Снега уже давно не было, хорошо просохло, было очень тепло, словно на Земле. Начинало пахнуть весной.

– Ты, Матвей, постарайся, чтобы на Радуге больше ничего не случилось! – попросил Горбовский.

– Обещаю. Все силы приложу. Кстати, Марк, Леонид! Дома меня Алёшка с Женей ждут. Может быть, и вы – к нам?

– Нет, – сказал Горбовский, – мы с Марком здесь походим, подождём всё-таки Перси Диксона. Вдруг объявится, у него такое бывает... Затем у тебя в соседнем кабинете и переночуем, я туда заглянул и нашёл, что там очень будет удобно.

– Посмотрите, что это? – неожиданно вскричал Валькенштейн, указывая рукой под ноги. Там что-то шевелилось рядом с ним. Внимательно всмотревшись на газон у дорожки, Вязаницын восторженно вскричал:

– Красная зерноедка! Друзья, зерноедка в степь возвращается... Значит будем жить!

ЗВЁЗДНАЯ ГАВАНЬ

По окончании смены Дрейтон пошёл в бар пропустить стаканчик. Ему было невдомёк, что день закончится так трагически: питейное заведение закроют, друзья Джека не смогут насладиться беседой за своим любимым столиком с водкой и закусками, а самого Дрейтона увезут в местную жандармерию, чтобы оформить дело для слушания в суде.

Здесьнее Солнце, как всегда, высоко торчало в тусклом красноватом небе, и жителей городка на улицах находилось мало. Почти все дневные дела они закончили и спешили укрыться в домах, занимались с детьми, слушали новости по радиоприёмникам. Обычно к условному вечеру патрульные машины ведомства охраны усиливали контроль за порядком. Несколько таких машин чёрного цвета были заполнены экипированными под самую завязку угрюмыми полицейскими. И повелось это уже давно, с тех пор, как в 8957 году группа настроенных против режима граждан Звёздной гавани попыталась взять с боем Парламент. Всех бунтовщиков арестовали и отдали под суд. Это был самый первый случай, когда осуждённых отправили на Тёмную сторону. И никто не знал, что одному из бунтовщиков удалось скрыться, уйти от правосудия.

Дрейтон уже у бара услышал свою любимую песню «Моя малышка». Вживую петь в таких местах не полагалось, обычно людей веселили долгоиграющие пластинки. Их оказалось множество в личных вещах переселенцев, каждый взял на память какую-нибудь мелочь. Взяли и старые музыкальные проигрыватели – зачастую поломанные. Кое-что удалось восстановить, теперь любители музыки всегда могли послушать прошлые записи с далёкой Земли. Кто-то это делал дома, в кругу семьи, а некоторые – в барах, ресторанах, на открытых эстрадных площадках, где даже иногда появлялись танцующие пары.

Переступив порог бара, Джек кроме давнего своего приятеля Макалея Харлоу из посетителей никого не увидел. Сегодня было совсем пусто в помещении, хорошо хоть проигрыватель работал! Макалей к приходу Джека уже набрался основательно – по самые глаза. Дрейтон опустился на соседний стул около окна и спросил:

– Дружок! Почему ты меня не дождался? Я ведь хотел составить тебе компанию и столько же принять...

– Это ты, Джек? – внимательно присмотрелся Харлоу. – Что-то со зрением... Кажется, ты... Как мне тебе помочь? Дженифер! – вдруг заорал он.

Прибежала молоденькая девушка, Джек её здесь видел впервые. «Красивая...» – подумал он и помог снять с подноса закуску и графин со спиртным. Новый сверкающий стакан Дженифер достала из кармана фирменной курточки.

– Что-нибудь ещё? – звонким голосом спросила она. Джек отрицательно махнул головой, и она поспешно удалилась.

– Так почему ты появился здесь раньше меня? – спросил Джек, наполняя оба стакана – свой и Харлоу – под завязку. – Отпустили с работы?

Приятель молча посмотрел в глаза Джека. Тот спокойно опустошил стакан и наполнил его вновь. В пищеводе и дальше значительно потеплело, это было как раз то, что ожидал Джек почти сутки.

– Ты, наверное, не знаешь главную новость... – медленно выдавил из себя Харлоу.

– Главную? – Джек повторил операцию с наполненным стаканом и лениво поковырял вилкой в тарелках с закусками. – Так что за новость?

Приятель вновь долго молчал. Джек даже внимательно взгляделся в его лицо – не заснул ли? Бывает же, что спят с открытыми глазами... И в этот момент Харлоу захотел встать из-за стола, но не смог – сразу завалился на соседний пустующий стул. Пришлось помочь

ему вернуться в первоначальное состояние и изредка придерживать за локоть. Через минуту приятель уже по-настоящему задремал. Чувствовалось, что интересоваться новостью было бесполезно.

Макалей Харлоу служил в группе надзора за безопасностью в промышленности Звёздной гавани. Планету астрономы Земли заметили среди прочих во время бума при поисках экзопланет. Она находилась в семи миллионах километров от Проксимы Центавра, ближайшей к Солнцу звезды. Единственный из пяти добравшийся к соседней системе звездолёт легко отыскал планету, и земляне быстро обустроились на ней. Правда, несколько тяжеловато было здесь ходить – Звёздная гавань, как окрестили планету переселенцы, оказалась почти на треть массивнее родной Земли. Зато места хватало всем с избытком, и только в далёком будущем можно было ожидать перенаселения, как на родине. Самая большая беда для землян оказалась в том, что Звёздная гавань из-за приливного захвата всегда была повернута к Проксиме одной стороной. Они не привыкли, чтобы Солнце, даже такое неприятно тусклое, находилось в одной точке неба. Даже продолжительность года – в одиннадцать суток с небольшим – не так давила на сознание, как отсутствие смены дня и ночи. Конечно, земляне привыкли, хотя не сразу. Условно делили на сутки время, и работали по старой привычке в условный день, спали в условную ночь... В пересчёте на земное время переселенцы находились здесь уже почти триста лет. И радовались, что удалось сохранить свои жизни после вынужденного отлёта с адски переполненной Земли!

Атмосфера на новом месте жительства неожиданно оказалась близкой по составу и по давлению к земной, хорошо защищала людей от жёсткого рентгеновского излучения, имела достаточно кислорода для дыхания. Скафандры и лёгкие защитные костюмы не понадобились, как и свинцовые пластины для возведения строений.

Дрейтон так задумался, что не заметил широко открытые глаза Харлоу.

– С добрым утром! – Джек долил водки в свой недопитый стакан. – Мак! Ты обещал мне какую-то новость...

– Феликс появился! – нехотя буркнул Мак.

– Что за Феликс?

Харлоу добавил в себя полстакана и удивлённо посмотрел вокруг:

– Я, кажется, ещё в баре? – он набросился на еду, причём совсем как трезвый. – Ну, Феликс Фрумкин, как же... Ты не знаешь зануду Феликса? Он был в числе тех, кто первым начал агитировать против Парламента. А потом исчез!

– Это тот, который сбежал при арестах?

– Дошло, наконец!

– И где же Феликс находится в настоящее время?

– Ты не поверишь, Джек! Этот пройдоха сумел добраться до Тёмной стороны на самодельном планере, благо здешние ветра позволяют это сделать. И теперь вернулся, чтобы сдать власть! Он сидит в центральном спецприёмнике и даёт исчерпывающие показания. Знакомый парень из следственного отдела сказал мне по секрету, что Феликс явился очень напуганным.

– Он добрался до обратной стороны и побывал в ночной тьме? Да я бы тоже испугался! Мы ведь привыкли к светлому режиму дня и ночи на Звёздной гавани, теперь это у нас в крови. Даже не могу представить, как наши предки жили на Земле. С каким страхом они вечером ожидали исчезновения Солнца! Конечно, иногда появлялась Луна, да и электрический свет выручал... Но всё равно страшно!

– Меня самого до сих пор чувство неполноценности пробирает! Во всех старых книжках, что мне довелось читать, человек всегда боялся темноты. А у Феликса к тому же дополнительные проблемы появились: сразу же после посадки планера он обнаружил там жизнь...

Дрейтон даже вздрогнул от этих слов:

– Правительство отправляет на Тёмную сторону провинившихся, а там, оказывается, есть живые существа, которые, возможно, подбирают их в пищу?

– В том-то и дело! В правительстве решили, что предавать людей смерти, пусть даже преступников, не совсем этично. Лучше пусть сами в страхе погибают в холоде и темноте вечной ночи! Отправляем забитый осуждёнными старенький крейсер со звездолёта и скидываем их на обратной стороне, аккуратно так скидываем – в клетках под огромными парашютами. Очищаем, так сказать, свои территории, заодно отдаём время перенаселённости своей Звёздной гавани. И не знаем, что за ними там кто-то охотится и пожирает их трупы! Такие, брат, дела... – с минуту помолчав, Харлоу оглядел стол и стал озираться.

– Дженифер! Где ты болтаешься?

В этот самый момент к бару быстро подкатил чёрный лимузин, и из него высыпали вооружённые полицейские.

– Кажется, эта молодая сучка нас сдала! – удивлённо посмотрел Мак на Дрейтона. – Вроде бы не громко болтали...

Приятелей затолкали в машину. Уже через полчаса их допросили в следственном отделе жандармерии. Вопросы не отличались разнообразием:

– что они знают про Фрумкина?

– откуда у них сведения про жителей Тёмной стороны?

После допроса они встретились уже в камере:

– Я не понял про жителей, Мак.

– Видимо, это существа, которых встретил Феликс. Да, Джек! Втянул я тебя в историю...

– Брось ты! Кто знал, что в любимом баре кто-то подслушивает и стучит в органы?

– Согласен, этого никто знать не мог. Но теперь у нас одна дорога...

– Что ты имеешь в виду?

– Отправят туда же, куда и всех! Тогда мы точно никому не расскажем.

– Из-за двоих крейсер гонять не станут! – неуверенно протянул Джек.

– Из-за двоих не станут... Но я точно знаю, что камеры забиты. Рейс давно готовился. У Феликса хоть фонарь имелся!

Группу выбросили в обычном месте. Ветра не было, и камера со смертниками почти не колыхалась в воздухе. Купол парашюта скрывал свет огромного количества звёзд Галактики, все молчали до самой поверхности. У будущих покойников не было желания разговаривать – темы не находилось. После приземления один из них сдвинул металлический засов и распахнул трубчатую дверь. Парашют остался в стороне, и теперь видимость из-за звёздного сияния была достаточной. Все вышли наружу, Джек с Макалеем держались вместе. Они оказались на оголённом от растительности месте.

– Смотри! – сказал Дрейтон. – Здесь достаточно тепло, хотя Проксима находится с противоположной стороны.

Харлоу показал рукой вправо от тюремной клетки:

– Кажется, там видны деревья... А в лесной чаще при такой температуре возможна жизнь! И тепло здесь, похоже, искусственное. Интересно, кого Феликс в лесу встретил?

Осуждённые разошлись небольшими группами в разные стороны. Они не ожидали чудесного избавления, понимали, что их ждёт гибель. Вскоре со всех сторон послышался приглушённый шум.

– Слышишь? – спросил Харлоу.

– Ну что же, это по наши души...

Кто-то совсем невдалеке закричал истошным голосом, и сразу завопил второй голос.

– Немудрено, что Феликс даже с фонарём испугался... – пробормотал Дрейтон и тут же увидел впереди источник опасности.

К ним наперерез, сбивая впереди идущих, мчались тёмные лохматые чудовища с поблескивающими в свете звёзд клыками. По страшному виду этих огромных существ трудно было представить, что именно они являются основателями цивилизации на Тёмной стороне.

– Мак, я уверен, что земляне все, без исключения, остались на Звёздной гавани заложниками. От дополнительной еды эти твари обязательно должны размножиться быстрее обычного, у них имеется прекрасная возможность стать хозяевами планеты! – успел сказать Джек своему приятелю...

ДЖОКОНДА

По следам легенды об «Аполлоне-20»

Он пристально смотрит на меня через даль времён. Красивый молодой человек, житель другой – далёкой от моей Родины планеты. На его лице я замечаю ожидание чего-то необыкновенного, похоже, что он в меня влюблён.

Двигаться я не могу, нахожусь в специальной камере в состоянии между смертью и жизнью. Нас с ним разделяет полтора миллиарда лет, и оба мы знаем об этом. Имя молодого человека – Мирослав. Он ещё не знает, что с некоторого времени назначен моим избранником, мною же и назначен. Я не могу шевелиться, жизнь во мне находится на уровне, близком к смерти. Но пока я считаюсь хоть насколько-то живой, могу принимать любое решение. Тело моё смазано специальными мазями, которые до настоящего времени поддерживают жизнь в моём теле. Мирослав принадлежит к гуманоидам, которые ещё даже не догадываются о высоких технологиях, которыми пользовалась моя цивилизация. На моей бывшей планете живых существ наверняка уже нет, полтора миллиарда лет – срок достаточный, чтобы цивилизация уже давно превратилась в прах. И я – единственный представитель её, оставшийся между жизнью и смертью на безатмосферном спутнике Голубой планеты, для которой моя команда сделала всё возможное, чтобы здесь смогла возродиться жизнь и достигнуть великих высот. Люди с Земли смогли добраться до холодного спутника и найти мой звездолёт. Обнаружив меня, они дали мне название Мона Лиза. Однако, мне больше по душе другое имя этой девушки, изображенной великим художником планеты Леонардо да Винчи, – Джоконда. Больше пяти-сот местных лет прошло с тех пор, как был закончен её портрет. Мне судьбой дана возможность, не видя портрет, понять его отличие от моего начала, от моего облика. Я долго думаю о Мирославе и рада, что он оказался тем, кто поверил в мою силу, мою способность восстановиться через какое-то время. Он ждёт этого момента и часто заходит в Пантеон, выполненный для найденных в погибшем звездолёте существ, и общается с людьми, изучающими строение наших организмов.

А всё начиналось очень давно...

Мой любимый звездолёт, похожий на огромную рыбу в земном океане, но размерами во много раз больше её, подчинялся моим мыслям и рукам, пронзая за мгновения миллионы километров мирового пространства. Команда отдыхала в своих каютах, они должны были быть разбужены в назначенное время. Задача для нас была поставлена очень непростая: необходимо найти на окраине Галактики планету с нужными параметрами и посеять на ней зародыши жизни. Теперь-то я знаю, что земляне назвали этот метод появления живых организмов на пустых планетах панспермией. После выполненной основной миссии с кораблём по недосмотру роботизированной охраны произошла авария, громада моего звездолёта застряла в скалах спутника, который мы сами взяли доставить к Земле из пояса астероидов для ускорения развития всего живого на поверхности и в океанах Голубой планеты.

Интересно, что мой мозг способен в таком болезненном состоянии многое познавать об этом уже выросшем громадном мире, у которого осталось не так много времени. Они уже овладевают своей планетной системой, пытаются преобразовать ближайшие планеты для проживания людей и начинают создавать искусственный интеллект, не понимая, что он их и погубит. Но меня это не касается...

Мирослав Пегов обычно отдыхал после рабочего дня либо дома, либо в Пантеоне космических скитальцев. Дома он расположил стереоскопическое фото Моны Лизы, оно находилось под прозрачным пластиком в середине зала. И ему казалось, что огромные с тёмно-коричневыми зрачками глаза девушки постоянно смотрели на него, в какой бы точке он ни

находился. Полностью покрытое земными веснушками лицо было необыкновенно привлекательно, как и полные, слегка приоткрытые губы, готовые к страстным поцелуям. А в Пантеоне, стараясь не мешать специалистам работать, Пегов издали разглядывал лежащую голую фигуру Моны, смазанную непонятным жиром, состав которого даже за два года земные учёные определить не смогли. Но они давно поняли, что этот состав поддерживает жизнь девушки на грани смерти уже сотни миллионов лет, поэтому не убирали его с её тела. Больше приходилось изучать второе найденное в звездолёте тело, применяя все методы земной техники. Это было тело мужчины, которого жизнь покинула настолько давно, что было удивительно видеть его ткани, совсем не отличающимися от живых. Оба инопланетянина находились в соседних залах, проход между залами был возможен только через тамбур-шлюз, который исключал смешение воздуха. Исследователи использовали герметичные медицинские костюмы с масками, снабжёнными воздушными приборами.

У Мирослава здесь работала знакомая девушка Алина, они вместе учились в медицинском институте. Когда Мону Лизу и её спутника секретным рейсом доставили с Луны и поместили в построенный заранее Пантеон, Алина не удержалась и всё рассказала своему парню. Она считала Мирослава своим парнем уже несколько лет и удивлялась, что он не принимал никаких действий по сближению с ней. Хотя иногда они ходили вместе на концертные выступления, посещали художественные выставки, гуляли по аллеям города учёных. Их родители не возражали против дружбы молодых людей, и без них привыкли вместе отмечать в ресторанах какие-то даты или праздничные дни.

Узнав назначение Пантеона, Пегов добился включения в состав группы врачей-исследователей, которые работали с телами инопланетян, и через некоторое время совсем изменился по отношению к Алине. Это трудно было как-то объяснить, но пилот корабля пришельцев поразил его в самое сердце. Такой красоты ему нигде не приходилось видеть. Врачи к этому времени уже смогли раскрыть глаза полумёртвой девушки, в середине лба появились очевидные следы третьего глаза, прочистилось лицо, полностью покрытое конопушками, чёрные, как смоль волосы, к изумлению землян, росли – правда, с очень небольшой скоростью. Мирослав влюбился в небесную красавицу сразу и бесповоротно! И, конечно, поверил, что придёт время, когда Мона Лиза очнётся от своего тяжёлого сна, как спящая царевна в сказке для детишек. Внешне отношения с Алиной не изменились, но совместные посещения всяких концертов закончились раз и навсегда. Мирослав полностью переключился на изучение инопланетянки. Было уже наработано много томов, содержащих строение пришельцев, много найдено отличий, но главное заключалось в том, что эти отличия не давали повода усомниться в большой близости исследуемых организмов к строению землян. На встречах американских и российских учёных постоянные споры заканчивались обычно одним итогом: если бы не появление инопланетян вблизи Земли, то жизнь на ней не расцвела бы, они породили эту жизнь, но сами по случайной причине погибли. В огромный космический корабль с жителями другой планеты, скорее всего, попал астероид и полностью разрушил чуждое в этих местах сооружение. Звездолёт был найден в таком состоянии, что после полутора миллиардов лет, от него остался лишь остов. Что-то почерпнуть новое в конструкции не было никакой возможности. Оставалась только надежда на оживление единственного пилота, находящегося во время аварии за управлением звездолётом. Речь шла именно о Моне Лизе, обнаруженной когда-то за пультом управления, соединённая с ним через мозг с помощью специального приспособления. Подобное новшеством на Земле уже не являлось. Часть корпораций начала вживлять чипы в тела своих сотрудников, правда, пока с их согласия. Чипы позволяют быстро работать с компьютерами и принимать правильные решения, приносящие максимальную прибыль владельцам.

Вечером Мирослав пришёл к родителям, намечалось небольшое торжество по поводу серебряной свадьбы. Алину они тоже пригласили и были удивлены довольно прохладным отношением сына к девушке.

– Сынок! – отозвала мать в сторону от присутствующих Мирослава. – У тебя возникли разногласия с Алей? Мы с отцом заметили, что ты с ней почти не разговариваешь... Разлюбил?

– Если сказать правду, то так и есть.

– Но без причины такого не могло случиться. У тебя, наверное, появилась новая любовь?

– Мама! У меня появилась неожиданная надежда на новую любовь, – Мирослав вздохнул. – Всё рассказать я сейчас вам не смогу, а придёт время – вы узнаете сами...

Мать покачала головой и с печалью посмотрела на Алину, находившуюся с гостями.

Я вспоминаю свою Родину, свою любимую планету Ору, где в дали времён остались мои родители. Планета моя не была единственной населённой в системе моей звезды, мы смогли обосноваться на пяти планетах и двенадцати спутниках. В Солнечной системе этого не достичь, и мне жаль землян, которых ожидает апокалипсис в недалёком будущем. Я надеюсь, что успею прийти в норму и заберу своего мужчину в какой-нибудь из далёких миров. Он почти ежедневно подходит к моей ячейке и рассматривает, что изменилось за предыдущие дни. Мирослав не понимает, что восстановление будет идти ещё довольно долго. И я вижу немое обожание в его глазах, чувствую, как кровь пульсирует в его организме. Он явно верит, что через какое-то время мы будем вместе, будем счастливы, как все влюблённые. Останется найти возможность наладить связь с ближайшими поселенцами нашей расы и улететь на другую Родину. Мирославу там понравится, мои предки с планеты Ору, предполагая гибель своей цивилизации, давно нашли возможность расселиться в лучших мирах галактики, приспособили их для своих нужд. Думаю, что доживающая последние столетия Земля будет оставлена Мирославом без сожаления.

У меня – отличная память. И я хорошо помню, как наш звездолёт нашли земляне в горах своего спутника. Луна хранит много тайн, наш корабль долго был такой тайной, затем немногочисленная экспедиция с Земли нашла остатки звездолёта, но не смогла ничего решить на месте. Только через год была организована другая, более солидная группа астронавтов с другим оборудованием и большим планетолётом. В этом полёте участвовали люди разных национальностей, им пришлось выполнить большой объём работ по извлечению наших тел и перемещению их на тёплую, зеленеющую Землю, где начались работы по изучению наших организмов и где люди смогли понять, что один из инопланетян находится в состоянии «ни жив, ни мёртв». Мне только непонятно, почему работа нескольких землян с нашими телами составляет определённый секрет для миллиардов населяющих планету людей.

Настал день, когда Мирослав получил странный сигнал от конопатой инопланетянки. Он, найдя свободную минутку, любовался прекрасным лицом Моны Лизы. И Пегову показалось, что огромные глаза девушки, направленные на него, мигнули. Несколько минут пришлось простоять у пластиковой ячейки с телом, чтобы убедиться в том, что Мирослав, скорее всего, ошибся. Но уже через неделю Вячеслав Рокотов – руководитель исследования – на очередном совещании признал, что в теле инопланетной девушки начали ускоряться жизненные процессы.

– Нельзя сказать, что скорость выросла значительно, но она идёт с определённым нарастанием. Это уже не проигнорируешь и, хотя сейчас мы не можем точно сообщить вам, когда девушка проснётся, но уверен, что оживление может произойти внезапно и в любое время.

– Если потребуется дежурство около Моны, то можете меня записать первым! – быстро предложил Пегов.

– Конечно! – улыбнулся Рокотов. – Того первым и назначим дежурить, кто чаще всего приходит любоваться нашей подопечной...

Пришло наконец то время, когда соки жизни стали нарастать в моём организме, я это чувствовала ежедневно и тихо радовалась своему будущему оживлению. Мой возлюбленный постоянно появлялся с утра и в середине рабочего дня, он всё время интересовался у окружающих меня врачей, что меняется, и когда я смогу очнуться от многовекового сна. Новые люди, занявшиеся моим здоровьем, были более грамотными специалистами и под их надзором я стала постепенно приходить в себя. И всё время скучала без Мирослава. У него было достаточно работы в Пантеоне, и он не всегда мог находиться около меня. Хотя мне казалось, что он завёл другую женщину, моложе меня на полтора миллиарда лет и развлекается с ней, забыв о своей Джоконде. Хотя это имя ему ещё неизвестно, он по-прежнему зовёт меня Моной Лизой, а его руководитель группы прямо смеётся над ним, понимая, что его любовь к престарелой инопланетянке нереальна, она просто смешна! Рокотов всего лишь землянин, он не понимает, что возраст мой остановился в момент страшной катастрофы в кратере Луны. Тогда разрушающий всё удар метеорита прекратил существование корабля, а восстанавливающая жизнь экипажа система сразу включилась в работу с теми, кто теоретически остался способен к восстановлению. Тео – мой родной брат, также находившийся в кабине управления в тот страшный день, – не смог вынести аварии, что привело его к постепенной гибели. Лишь мне повезло, вещества, которые ко мне были автоматически применены медицинской системой, смогли сохранить тело и мозг на очень долгие годы.

Для меня пришло время испытать методы связи с соотечественниками с ближайших планетных систем. Используя силу мысли, мне удалось войти в систему мировой космической связи Земли, а уже через неё подать сигналы бедствия на разбросанные нашей цивилизацией по ближайшей Вселенной маяки. Теперь оставалось только ждать ответа и выбрать наилучший вариант. Тело уже начинало повиноваться мне, понемногу мне удавалось передвигаться по просторной палате, я имела возможность говорить с персоналом Пантеона на любом земном языке и подолгу ждала своего Мирослава, чтобы начать контакт с ним на тему о нашем отлёте с этой Голубой планеты в безопасное место. Но его отсутствие в течение последнего месяца начинало меня беспокоить. Я не знала, что могло случиться, почему он перестал появляться в Пантеоне. Не верила, что он потерял в меня веру или действительно разлюбил меня. У меня ещё не было своего мужчины, девушки на нашей планете находили себе пару только с двадцати земных лет, а до этого возраста изучали все привлекавшие их специальности и старались полностью овладеть ими. Самыми важными профессиями у нас считались те, что были связаны с космоплаванием. Мы идеально изучали устройство звездолётов и планетолётов, могли войти в состав любого космического судна, причём заняв любое соответствующее нашим познаниям место.

У Мирослава Пегова появились проблемы. Никогда в своей жизни не болевший парень очутился в инфекционном изоляторе. Врачи обнаружили у него вирус, не зарегистрированный на Земле. С высокой температурой он лежал в больничной палате и злился из-за невозможности увидеть свою ненаглядную Мону Лизу, которая начала вставать и ходить по Пантеону. Никто не мог передать от Мирослава весточку инопланетянке, изолятор всегда оставался изолятором...

– Вирус, сынок, ты подхватил по месту своей работы, – объяснил Умар Дасаев – пожилой врач изолятора, навестивший Пегова. – В Пантеон Рокотову мы сразу сообщили и отправили туда нашего специалиста поискать свалившего тебя врага. А то и другие тоже могут его подхватить... Ты ведь провалялся здесь без сознания две недели, чуть богу душу не отдал! Но теперь дело пошло на поправку, мы нашли, как с этой дрянью бороться. Температурка постепенно падает, вскоре придёт в норму.

– Спасибо, Умар Тимурович! Как бы мне хотелось вернуться к работе...

– Вернешься, не спеши. Рокотов мне объяснил, почему ты туда рвёшься. По инопланетянке соскучился. Кстати, он просил передать, что она тебя там тоже ждёт. Но пока ей не сообщали, что с тобой случилось. И она теряется в догадках... Рокотов не из тех, кто сразу правду открывает. У нас ведь были серьёзные сомнения в отношении тебя, опасались летального исхода.

– Значит, Мона Лиза уже идёт на поправку?

– То, что я услышал про неё, похоже на чудо! Очнуться после стольких лет обычной комы, причём никого из наблюдающих рядом!

– Как она сейчас себя чувствует?

– Ты, сынок, не поверишь! Она разгуливает по палате и разговаривает с персоналом Пантеона!

– И ищет меня? Она же не может знать, где я нахожусь!

– Не знает! Потерпит, однако...

Сегодня я не выдержала и обратилась к заведующему Пантеоном. Он меня внимательно выслушал и спросил:

– Девочка! Ты действительно увлеклась этим парнем?

– Что значить – увлеклась? Ведь он давно мой!

Рокотов проверил, чтобы была закрыта дверь в кабинет, и уточнил:

– В каком смысле «твой»?

– Я его выбрала!

– Ах, даже так?

– Это у нас такой обычай. Мужчину выбирает женщина, когда наступает время... Пришло время объявить ему об этом, а он исчез. Вы наверняка знаете, где Мирослав находится, он же ваш сотрудник. Можете сообщить мне?

– Обязательно сообщу, но необходимо немного подождать.

– Почему на Земле всегда какие-то секреты? – удивилась Мона Лиза. – Даже про моего человека?

– Сейчас с ним всё в порядке, – заверил Рокотов. – Но придётся подождать...

– Он болен? – догадалась Мона.

– Да, подхватил здесь какой-то вирус. На Земле все вирусы известны, а в Пантеоне появился чужак, Пегов оказался его носителем, сейчас с ним занимаются наши врачи.

– Я должна его увидеть! Иначе он может погибнуть, только я могу ему помочь! Кстати, моё имя не Мона Лиза. Но его сложно произнести на земном языке, и я выбрала другое, которое связано с той же картиной Да Винчи. Зовите меня Джокондой! И быстрее устройте мне встречу с Мирославом. Лучше прямо сегодня...

Рокотов вынужден был согласиться и обещал сразу сообщить, когда Мирослава доставят из госпиталя. Проводив инопланетянку из своего кабинета, он связался с Дасаевым:

– Умар Тимурович! В Пантеоне наклёвывается проблема. Сейчас меня навестила Мона Лиза, заставила называть её Джокондой и настояла на быстром свидании с Мирославом.

– Но это исключено! Он явно пошёл на поправку, но не до такой степени, чтобы возить его по городу.

– Ты не понимаешь, Умар! Инопланетянка утверждает, что только она ему сможет помочь. Я понял так, что она знакома с заболеваниями подобного рода и от неизвестного нам вируса у неё есть возможность избавиться. То есть она вылечивает Мирослава и убирает из Пантеона все последствия. Это то, что мне нужно! Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь снова заболел! Она наверняка не обманывает, я уверен, что у неё всё под контролем.

– Вячеслав! Я не против. Раз ситуация положительно просматривается со стороны основного вирусносителя, которым является инопланетянка, то через пару часов больной будет у вас. Но приготовь ему изолированное помещение, шутки здесь неуместны!

– Без проблем!

Пегову дали снотворного и перевезли в Пантеон. Когда он проснулся, то не поверил своим глазам: рядом с ним вместе с Дасаевым стояла инопланетянка. Она, не отрываясь, смотрела на него и что-то тихо говорила врачу.

– Я вам полностью доверяю, – повысил голос Дасаев, – но оставлю здесь двоих своих сослуживцев. Они помогут в случае чего. Да и меня будут держать в курсе дела.

Мона Лиза вышла из комнаты, а Дасаев приблизился и сообщил Мирославу:

– Сынок! Ты теперь доставлен в Пантеон и переходишь под контроль инопланетянки. Она владеет достаточными медицинскими знаниями, чтобы справиться с твоей болячкой! Кстати, зови её теперь другим именем, она выбрала себе более симпатичное – Джоконда! Похоже, что к тебе она тоже равнодушна, рад за тебя, сынок! Выздоровливай, а я отправляюсь в свой госпиталь...

Оставшийся один, Мирослав был слегка растерян изменением в ситуации. Но в комнату уже вошла Джоконда, ослепительно улыбнулась ему и сообщила:

– Не удивляйся, Мирослав, но мне пришлось сделать тебе один небольшой укол нашего сохранившегося лекарства, теперь все страхи остались позади, ты через несколько часов будешь полностью здоров. И нам с тобой следует окончательно познакомиться.

Мирослав не мог сказать ни слова. Эта девушка была неотразима, даже лекарства можно не применять, чтобы поднять Пегова на ноги.

– Я поняла! – инопланетянка присела на стоящий рядышком стул. – Ты не можешь ещё войти в курс событий. И ты не знаешь, что я выбрала тебя своим мужчиной. В нашей цивилизации так принято: после определённого времени девушка имеет право выбрать себе мужчину для продолжения рода. Они становятся неразлучной парой. Но я ещё не узнала твоё мнение обо мне. Мирослав! Ты хочешь жить со мной, хочешь, чтобы мы стали парой?

– Ещё как хочу! – вырвалось у Пегова.

– Вот и я так поняла, когда увидела, как ты на меня смотрел в те дни, когда я ещё лежала не совсем живой! И я в тебя сразу влюбилась, выбрав из всех, кто появлялся в Пантеоне и кого начала различать. И называй меня...

– Джокондой? – полуутвердительно сказал Мирослав.

– Тебе уже сообщили? Это хорошо. Но нам с тобой вскоре предстоит большое путешествие.

– Что за путешествие?

– Мне пришлось вызвать за нами специальный корабль, сегодня вечером мы улетаем с Земли...

– Как же мы исчезнем из Пантеона? – удивился Мирослав. – Кто же нас выпустит?

– Мы с тобой ни у кого спрашивать не будем! Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да, чудесно, – ответил Пегов, вставая с койки. – Только есть хочется...

– Я сейчас закажу для тебя обед. А потом поговорим о перемещении на другую планету.

Джоконда вышла, оставив землянина в недоумении. Он не совсем понимал, зачем ему с Джокондой необходимо покидать Землю.

Моя мечта сбылась! Выбранный мною мужчина согласился стать моим. Я накормила его сытным обедом и начала ему рассказывать, почему мы вынуждены улететь с Земли. Во-первых, Земле угрожает большая опасность, а я не хочу больше подвергать себя опасности, а также подвергать опасности выбранного мною мужчину. Во-вторых, сегодня прибывает вызванный мною звездолёт, другого такого случая не будет долгое время и нужно этим воспользоваться. Тем более, что переселиться нам придётся на похожую на Землю планету, где всё обустроено и где опасности появятся совсем не скоро. Мирослав смотрел на меня влюблёнными глазами,

что мне очень нравилось. Присланные Дасаевым молодые врачи, поняв, что они в комнате только мешают нам, тихо смотались по своим делам. Мирослав написал записку своим родителям и оставил её на столе. Ровно в полночь мы с ним переместились в просторную рубку прибывшего за нами корабля. Вместе с Мирославом мы смотрели в иллюминатор на быстро исчезающую Голубую планету. Нас с ним ждала большая и насыщенная разными событиями новая жизнь. Думаю, что Рокотов с другими землянами не будут долго опечалены исчезновением молодой инопланетянки, а родители Мирослава всё поймут из его записки...

ЕГО ЛУЧШИЙ ДРУГ

За окном было прескверно, погода вновь издевалась над синоптиками. В то время, как они предсказывали десять градусов мороза днём и ночью, наш городок утонул в непрерывном мелком дожде и плюсовых температурах воздуха. В добавок к этому порывы ветра превращали ветви деревьев в неприятных чудовищ. А у прохожих на тротуаре в отдельные моменты зонты выворачивало наизнанку! Даже за свежим хлебом в ближайший магазин не хотелось идти – настолько мерзкой представлялась погода.

– Геннадий! Ты что застыл у окна, как истукан? – заскрипела моя половинка, выглянув с кухни. Горло простудила по дружбе, поэтому и скрипит. – Кроме хлеба нужен лук и сосиски...

– Посмотри, что на улице?.. – агрессивно начал я.

Маринка выдвинулась в зал, с укором посмотрела на меня, оперев руки в боки:

– Ты хочешь, чтобы я умерла с голода?

– Да что там в сосисках? Говорят, что больше половины туда добавляют всякой ерунды! Туалетная бумага стоит дороже...

– Википедия гласит: сосиски – колбасное изделие, которое изготавливается из измельчённого варёного мяса или его заменителей, – сообщила мне жена, после чего я подумал, что придётся собираться.

– Кстати, – добавила она, – если в перечне ингредиентов на пачке сосисок найдёшь туалетную бумагу, можешь их не покупать. А чтобы не ошибиться, возьми с собой очки!

С тем я и попёрся в «Пятёрочку» за углом, там всегда много жёлтых ценников, мимо которых я стараюсь побыстрее проходить. Жёлтые ценники означают знак опасности, такие закрепляют над продуктами питания, у которых либо просрочен срок использования, либо есть другая причина, отчего помеченные ими товары брать не рекомендуется. Я уже пару раз на этом ловком приёме хозяев магазина попадался.

У полки с хлебом я столкнулся с каким-то типом, похожим на зарубежного чувака – небритый, в распахнутой куртке с портретом президента на спине и с надписью Putin, в чёрных очках и что-то жующий.

– Осторожно! Я из-за вас чуть батон не выронил! – вынужден был сделать я замечание, после чего чувак снял очки и широко улыбнулся:

– Так и думал, что ты меня ни за что не узнаешь! – сказал он и ещё раз больно двинул меня локтем по боку, а потом полез обниматься.

Это было круто! Мы встретились с Пашей Коврижкиным после двадцати лет, последний раз я видел его на вечере выпускников нашего класса. Я пошёл работать на наш электроламповый завод, одновременно учился в вечернем институте, а Паша куда-то исчез. Никто из наших не знал его местонахождения. Даже были предположения, что он попал в ДТП со смертельным исходом недалеко от города, но в районном ДПС меня успокоили, сообщили, что Коврижкин в том ЧП не значился. Родных здесь у Паши не было, жили они в отдалённом селе, поэтому целых два десятилетия мы не знали. У меня появилась жена и два сына-близнеца. А что произошло с Пашкой – я не знал. Хотя часто его вспоминал, потому что в последнем классе мы сильно сдружились, числились в отчаянных, нас знала каждая собака в ближайших дворах оставшихся частных домиков.

– Пашка! Как я рад видеть тебя! Если бы ты знал! – в чувствах мы облобызались – чисто по-мужски.

– И я целый день сегодня сам не свой! Предчувствие меня не обмануло, в этот новый магазин меня как магнитом тянуло, и, оказывается, не напрасно!

– Ладно! Рассказывай о себе: где, как, почему? – и я сурово повторил: – Почему ты внезапно исчез, не предупредив меня? И никого другого. Ведь мы тебя и через милицию искали, я всех знакомых опрашивал...

– Немудрено! – светился улыбкой мой друг. – Я тоже искал бы. Но моя история слишком длинная, чтобы её в «Пятёрочке» рассказывать.

Я оглядел Пашку со всех сторон, ещё раз убедился, что с ним всё в порядке, что под колёса уличного транспорта он не попадал. Только улыбка стала шире, выглядел теперь он намного веселее, чем в те давние годы.

– Давай так! Я сейчас звоню моей ненаглядной, чтобы накрывала стол. Пацаны мои сейчас отсутствуют по причине учёбы. А школу они, кстати, заканчивали ту же, что мы с тобой. Спустимся в магазин, расположенный кварталом ниже, там порядки не такие строгие, и добудем пару пузырей водки. Жене возьму бутылку полусухого, Марина его обожает.

– Э, постой! Зачем куда-то ещё идти? Ведь вина и здесь полно, тем более водки.

– У нас в городе установлен порядок, по которому спиртное начинают продавать с двух часов дня, а в выходные и праздничные дни – с двенадцати часов. За нарушение – продавца и магазин ждут административные взыскания. Могут и уголовное дело завести.

– Гена, не спеши! Пойдём к полкам с алкоголем и определимся, что нам нужно.

Мы прошли в глубь магазина. С нами увязался какой-то низкорослый шкет в вязаной шапочке и в чёрных очках, похожих на те, которые Паша спрятал в карман. Он шёл чуть сзади и нам не мешал, а после того, как я на него подозрительно взглянул, то шкет и вовсе пропал.

– Вот эта водка нам нужна, – показал я на «Старку». – Хорошая вещь, мы с тобой её ещё не пили. А полусухое возьмём из этих... – и я показал на несколько бутылок грузинского вина, стоявших на верхней полке.

– Ясно, – после чего Паша на мгновение оглянулся назад. – Ладно, пошли.

Я проследил его взгляд и опять наткнулся на очкастого в шапочке. Бывают же настырные люди...

Мы направились к выходу из магазина. На кассе я оплатил то, что просила купить жена, оно уже лежало в сумке. Дождь всё также лил с неба, а ветер также ломал зонты. Я был доволен, что одел куртку с капюшоном и не взял зонт. Посмотрев на Пашу, я поразился: зонта и у него не было, но его непокрытая голова оставалась сухой.

– Твой дом, насколько я помню, находится вон там – за нашей школой? – показал Паша рукой. – По-прежнему живёшь со своими родителями? Или квартиру получил?

– Нет, квартиру ту же использую. Мать с отцом меня покинули, пятнадцать лет уже минуло...

– Извини, я же не знал... Подожди, ты почему заворачиваешь? Разве мы не идём к тебе домой?

– Так мы – за водкой, Паш! – видно, что не понял меня друг в магазине. – Спустимся сейчас...

– Гена! Мы с тобой всё взяли, ты просто забыл! – и Коврижкин раскрыл свою сумку. В ней я заметил две «Старки» и бутылку «Киндзмараули».

Я остолбенел от неожиданности. Точно помнил, что мы из спиртного ничего с полки не брали. Да и не могли брать, нам их не отпустили бы. И Паша ничего не оплачивал на кассе.

– Вспомнил? – поинтересовался Пашка, ухмыляясь.

– Ты стащил водку и вино, пока я стоял в очереди у кассы?

– Какая разница – стащил или по мановению волшебной палочки превратил подобранные по дороге камни в нужные нам вещи...

– Паша! Водка не является вещью, это – спиртное, которое не продают до двух часов дня! Так установила мэрия нашего города. В Москве продают в любое время, а у нас – с двух часов. Открой ещё раз сумку...

Мой дружок опять показал незаконные покупки, и я сдался.

– Ладно! Если прицепится полиция, то я покрывать тебя не стану. Идём!

– Друг называется! – проворчал Пашка, по-прежнему нахально улыбаясь.

Вот в этот момент я и заметил, что встреченный нами в магазине низкорослый пацан в шапочке шлёпает за нами на расстоянии около двадцати метров. Вначале он не попадался мне на глаза, поскольку из магазина шло достаточно много народа.

– Слушай, парень! – крикнул я ему. – Что ты возле нас крутишься?

Паша взял меня за руку и сказал:

– Не обращай на него внимание. Он – мой человек.

– Как твой?

– Ну так... У тебя же есть друзья? И у меня есть. Например, этот. Не прогоняй его...

– Как хочешь, – согласился я, несколько удивлённый. – И домой его прихватим?

Пашка отрицательно покачал головой. Мы уже подходили к моему дому, и, наверное, поэтому он оглянулся, с минуту внимательно смотрел на шкета в чёрных очках. После чего тот опять внезапно исчез!

– Э! Паша! А куда парень в шапке делся? Только что шёл сзади, на секунду я отвернулся...

– Плюнь! Не твой друг, тебе-то что? Пошли с твоей супругой знакомиться...

Я сразу стал ему о Маринке заливать, какая она у меня хорошая, какая пригожая, как хорошо готовит, да как детей растит... Заливаю я и думаю: с чего это меня так разобрало? Никогда про Маринку другим ничего такого не говорил, сглазить боялся, а тут меня понесло... Пашка покосился на меня, спросил:

– Что ты остыл? Продолжай!

– Да про себя я вроде всё сказал. Теперь ты давай! Или про свою жизнь сообщишь за бутылкой, да?

– Точно! Только за бутылкой, а то ты не поверишь...

Поднялись мы ко мне, Маринка открыла дверь и удивилась:

– Гена! Ты никак гостя привёл? А что не позвонил? Я бы стол начала готовить.

Я постучал себя кулаком по балде. Ведь хотел позвонить, Пашке даже говорил, а вот...

– Марина? – отодвинул меня в сторону Пашка.

– Да... – оробела моя жена. Коврижкин всегда ошеломляюще действовал на женщин, они его обожали.

– Меня Пашей зовут. И мы с Геннадием жили долгое время в одном городе и учились в одном классе – до последнего звонка!

– В каком это вы городе вместе жили? – удивилась Марина, переведя взгляд на меня.

– Да в этом же городе и жили! – весело пояснил Пашка. – Мы с Генкой были друзья – не разлей вода! А потом я исчез на двадцать лет, чтобы сегодня объявиться.

Маринка моя совсем растерялась, спросила меня:

– Это как раз тот самый Паша, про которого ты мне всю жизнь рассказывал, говорил, что с него всем пример брать надо?

– Да. И я не врал! Сама видишь – парень нормальный...

– Да чего там! – сделал Пашка вид, что сильно застенялся. – Брать с меня пример – это слишком сильно сказано! Вот сегодня с меня пример точно нельзя взять, водку я с моим подельником из магазина спёр! И бутылку грузинского вина...

Я застыл на месте, не успев повесить куртку на место.

– Паша! Ты мне такого не говорил! Давай снесём всё обратно!

– А как ты объясняться в магазине будешь?

Я подумал и нашёл способ:

– Занесём алкоголь в сумке, а в магазине выложим. Да так, чтобы никто не заметил!

– Не волнуйся, дружище, пошутил я. Бутылки эти не из магазина, точно тебе говорю. Если сейчас в магазине сделать переучёт, то недостача выявлена не будет!

Я молча смотрел на Пашку и не знал, верить ему или нет. Вообще-то он и раньше любил хохмить, а теперь – через столько лет! – научился, верно, делать это ещё искуснее.

И что-то мне стало припоминаться такое... Про магазин, про людей в нём... Кто-то там вертелся за нами... Но я ведь разделся уже, и Пашка разделся. И оба мы хотим за встречу выпить. Короче, память у меня, как отрубил. Не вспомнил я про магазин ничего интересного. Провёл друга в зал, показал фотографии пацанов своих, отсутствовавших по причине учёбы в большом городе. Подвёл его к своему уголку, где притаился компьютер, уже начавший без меня скучать.

– Здесь я работаю после увольнения с завода. Да, попал под сокращение! И пытаюсь освоить азы писательского мастерства.

– Эге! Здорово! Не поздно ли в такие годы? – недоверчиво хмыкнул Пашка.

– А что делать? Скучно же... Целыми днями слоняться по улицам летом и по квартире – зимой? Сейчас же я не имею ни минуты свободного времени. Пишу рассказы, переписываюсь с виртуальными друзьями, советуюсь с ними. Участвую в конкурсах, сейчас их очень много.

– А как же жена? Ты с ней не общаешься? В кинотеатр не водишь? Не гуляешь по воздуху? В гости не ходите?

– Ходим в гости. На дни рождения, на свадьбы... Но это же редко. Маринка в доме со многими дружит, они общаются. Вчера вон с подружкой на ветру новости городские обсудила, а сегодня – горло схватило... Ей скучать некогда. К тому же она ещё работает, до пенсии ей далеко!

– Не позавидуешь тебе, дружище, сейчас печатное слово совсем не ценится. Авторов появилось великое множество, а читать они любят только себя. Однажды мне пришлось посмотреть, как проходит конкурс рассказов на одном из сайтов. Все конкурсанты обрушиваются с критикой на остальных авторов, находят у них всяческие огрехи, даже запятые пересчитывают не проставленные. И стараются максимально снижать оценку своим собратьям по перу. Я хохотал от души! Потому что цена вопроса в том конкурсе была всего лишь полторы тысячи рублей. Значит, тебе ничего в писанине не обламывается – так я понимаю?

– Ну, как тебе сказать... – замялся я.

– Здесь и говорить нечего! Помню, что в классе ты не больно сверкал познаниями в литературе и в русском языке!

– Можно подумать, что в тебе тогда Пушкин или Толстой задаром пропадали! – парировал я.

Здесь появилась Марина и позвала нас обедать, чем бог послал.

– Вот видишь! – обрадовался я. И продолжил, пользуясь тем, что жена ушла на кухню. – Чем не литературное выражение? Знаешь, Паша, признаюсь тебе: если бы мои орлы, постигая науки, одновременно не подрабатывали бы в столице, не знаю, как бы мы жили. Они понимают, что сейчас в городе работы нет и отцу не устроиться. Вот и вкалывают! Боюсь, чтобы хвостов не нахватили... Ещё отчислят из института.

Мы сели за стол, я разлил водки по рюмкам, а жене нацедил полбокала грузинского вина:

– Сегодня выпьем за встречу старых друзей, что десять лет друг без друга жить не могли, а затем один исчез в одночасье, но через два десятилетия благополучно появился! За твоё здоровье, Павел Михайлович! Заодно и с Новым годом нас всех! Что здесь осталось-то? Неделя...

И мы выпили, потом закусили и ещё выпили.

– Надо же! – склонил ко мне голову Пашка. – Ты даже отчество моё помнишь!

– А ты моё не помнишь?

– Помню! Разве забудешь, если оно такое же...

– Что вы там шепчетесь, воробушки? – спросила Маринка.

– Отчества у нас одинаковые, – пояснил Пашка. – В школе ребята нас с Генкой дразнили медвежьими выводками! Мы много кому крови попортили, потому как здоровьем обижены не были, от нас доставалось почти всем классам, все нас боялись. Но сейчас, други мои, хотел бы я разговор перевести на другую тему. Генка мне про свою беду рассказал, да и вообще про свою жизнь, семью. Про детей рассказал. А я пока не о чём не заикнулся. Но теперь пора и мне высказаться. Моя жизнь протекает немного по-другому. Я не женат, детей не имею. Работа моя связана с некоторой секретностью, имею небольшую лабораторию в Институте внеземных наук – ИВН. Спросите, что за институт такой этот ИВН? Много говорить про него нельзя, только то, что в нём изучают контакты с инопланетными структурами, существами, разными планетными системами с зарождающейся жизнью. Работа для меня интересная. Попал в ИВН я случайно. А до этого учился в МАИ. Ребята меня двадцать лет назад потеряли только потому, что мои родители сразу после выпускного вечера забрали меня на поезд дальнего следования и повезли в столицу, к одной дальней родственнице – тётке Серафиме. Несколько упорных занятий под надзором родителей и тёти помогли мне пройти по конкурсу в этот престижный московский институт. А после его окончания меня пригласил к себе ректор – Алексей Миллионщиков – для разговора. В кабинете находился ещё один человек, раньше я его не встречал. И предложил этот человек перебраться мне на работу к нему в ИВН. Я глаза округлил, ничего не понимал. Думал ведь, что попаду по распределению на какой-нибудь авиационный завод. Сiju и молчу, мысли расплываются... Но ректор наш – большой души был человек, кстати, не так давно умер, пусть земля ему будет пухом – сказал всего две фразы, они меня моментально убедили, и я со следующего дня числился в этом странном институте. Представителя института внеземных наук звали очень по-русски: Иван Иванович Иванов. Он меня встретил следующим утром у дверей института, везде провёл, со всеми познакомил и оставил в одной небольшой лаборатории. С тех пор там и тружусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.